

NOTERMANN

ЛЕЖА ТВОЕТО
ДЫХАНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

notermann

Цена твоего дыхания

«Автор»

2026

notermann

Цена твоего дыхания / notermann — «Автор», 2026

Я была пылью на его туфлях. Игрушкой, которую он забрал из психушки, чтобы утолить жажду многолетней мести. Джейс Уэст ненавидел меня сильнее, чем самого себя, а я пообещала, что он никогда не получит меня настоящую. Мы разыграли идеальный маскарад на костях нашего прошлого. Чужая ревность, предательство самых близких и грязные интриги за нашей спиной должны были развести нас по разным могилам. Но когда в особняке гаснет свет и звучат первые выстрелы тех, кто пришел за моей головой, мой безжалостный палач достает оружие. И становится моим единственным щитом.

© notermann, 2026

© Автор, 2026

notermann

Цена твоего дыхания

Боль была понятной. Страсть была разрушительной. Но самым страшным стало то мгновение, когда я перестала отличать его грубые прикосновения от акта милосердия. Он стал моим палачом, моим Богом и моей единственной дозой реальности.

Примечание

Эта книга не о прекрасных принцах и не о здоровой любви. Это история, рожденная в темноте, где грань между жестокостью, местью и страстью стерта окончательно. Если вы ищете романтическую сказку со спасением — закройте эту вкладку. Здесь будет больно, грязно и откровенно. Герои совершают чудовищные ошибки, их связь токсична, а интимные сцены граничат с безумием и насилием.

Автор ни в коем случае не романтизирует насилие в реальной жизни. Все описанное является художественным вымыслом. Берегите свою ментальную стабильность.

Читайте на свой страх и риск. Добро пожаловать в ад Айрис и Джейса.

Плейлист:

drive you insane – daniel di angelo

aaryan shah - renegade

melting point – tilman wenzl

mount everest – labrinth

love the way you lie (feat. rihanna) –eminem

a little bit harder now – she wants revenge

Глава 1.

Айрис

Белый цвет не лечит. Он просто стирает.

Каждое утро в психиатрической клинике Гринвуд начинается с того, что в мою комнату вползает стерильный, безвкусный свет. Он скользит по кафельному полу, упирается в глухое окно без ручки и высвечивает мою главную проблему, меня саму.

— Хант, подъем. Время даров, — голос медсестры Марты звучит буднично, как у кассира в супермаркете.

Дары это две маленькие таблетки на крошечном пластиковом блюдце. Одна нежно-розовая, другая грязно-желтая. Мой ежедневный рацион на протяжении последних шести месяцев. Я знаю, что произойдет, когда я их проглочу. Через сорок минут мир вокруг потеряет остроту. Стены станут мягкими, как поролон, мои собственные мысли вязкими, будто овсянка, а время превратится в серый, удушающий кисель.

Полгода. Триста шестьдесят доз нейролептиков, призванных выжечь из меня всё, чем я была.

Я покорно кладу таблетки на язык, демонстрируя Марте пустой рот, и послушно сглатываю. Она кивает и покровительственно хлопает меня по плечу. Для неё я просто послушный овощ с диагнозом латентная шизофрения, отягощенная маниакальным синдромом.

Какая ирония. Этот диагноз мне подарил человек, которого я когда-то обязана была называть отчимом.

Ричард. Когда мама была жива, он казался идеальным. Безупречные костюмы, мягкий голос, правильные манеры. Но когда её не стало, маска сползла так быстро, что я едва успела закричать. Моя глубокая, разрывающая грудь скорбь по маме была использована им как идеальное оружие. Мои слезы он назвал неадекватной эмоциональной реакцией. Мою бессонницу параноидальным бредом. Мое нежелание отдавать ему мамины документы и долю в бизнесе агрессивной манией.

Он уничтожил мою жизнь технично, как заправский хирург. Пара нужных звонков, щедрое пожертвование фонду Гринвуд, парафированные консилиумы врачей, которые смотрели не на меня, а в свои чековые книжки. И вот я здесь. В месте, где твой крик о помощи это лишь подтверждение твоего безумия.

Когда Марта уходит, запирая за собой тяжелую дверь, я бросаюсь к раковине.

Пальцы в рот. Глубоко. До судорог в желудке.

Меня выворачивает. На дно раковины с тихим стуком падают едва успевшие раствориться крупинцы розового и желтого яда. Я включаю ледяную воду, смывая следы своего ежедневного преступления, и тяжело дышу, упершись лбом в холодный фаянс.

Я обманываю их уже два месяца. Но даже той малости лекарств, что успевает впитаться, пока я жду ухода медсестры, хватает, чтобы разрушать меня изнутри. Мой мозг это поле боя, где каждый день туман отвоёвывает новые территории. Я чувствую, как с каждым днем грань между реальностью и безумием истончается. Проведи здесь еще пару месяцев и настоящая шизофрения действительно сожрет меня, услужливо подтвердив диагноз Ричарда.

У меня осталась всего одна линия обороны. Моя единственная фиксация. Мой якорь.

Я подхожу к мутному, засиженному мухами зеркалу над раковиной и впиваюсь взглядом в собственное отражение. Из стекла на меня смотрит бледное привидение с темными кругами под глазами и искусанными губами.

— Тебя зовут Айрис Хант, — шепчу я, едва шевеля губами, чтобы звук не вылетел в коридор, — Тебе двадцать пять. Твоего отчима зовут Ричард, и он тварь.

Я закрываю глаза и мысленно тянусь к самому дорогому, что у меня осталось. К маме.

В этом стерильном аду лица любимых стираются первыми. Лекарства бьют по зрительной памяти, превращая воспоминания в размытые акварельные пятна. Но я отчаянно, до боли в висках, собираю её образ заново. Каждое утро.

Тёплые карие глаза с золотистыми крапинками вокруг зрачка. Родинка чуть выше левой брови. Запах лавандового крема для рук и едва уловимый шлейф её любимого крепкого кофе. Мягкая улыбка, от которой на щеках появлялись ямочки.

— Я не забуду тебя, мам, — обещаю я темноте за закрытыми веками, — И себя не отдам.

Сердце стучит в груди, как пойманная птица. Туман от недомытых таблеток начинает медленно заползать в затылок, убаюкивая, лишая воли. Стены палаты словно сдвигаются, пытаясь раздавить меня своей безликой белизной.

Но я продолжаю стоять у зеркала, вцепившись пальцами в края раковины так, что белеют суставы. Меня зовут Айрис Хант. И пока я помню это имя, я всё ещё жива.

За дверью раздается скрежет, это тяжелая тележка с обедом скребет колесами по линолеуму коридора. Полдень. Мой внутренний хронометр почти сломался, но этот звук всегда точен.

Я заставляю себя отойти от зеркала, сажусь на кровать и прячу дрожащие руки между коленями. Нужно дышать ровно. Если дежурный санитар заметит, что у меня расширены зрачки или дыхание слишком частое, в палату вернется Марта. Только уже не с таблетками, а с успокоительным уколом, после которого я двое суток буду пускать слюну в подушку, не в силах пошевелить даже пальцем.

Дверной засов щелкает. На пороге появляется Томас, огромный, пахнущий дешевым табаком санитар с безразличными глазами мясника. Он ставит на тумбочку пластиковый поднос. Рядом с тарелкой серой жижи, гордо именуемой супом, лежит небольшая белая карточка.

— Хант, к тебе посетитель через час, — бурчит он, даже не глядя на меня, — Приведи себя в порядок. Чтобы без фокусов.

Мое сердце пропускает удар, а затем начинает колотиться о ребра с утроенной силой.

Посетитель.

У меня нет здесь друзей. Мои немногочисленные родственники со стороны матери живут на другом конце страны и, судя по всему, свято поверили в официальную версию Ричарда о моем внезапном и тяжелом психозе. Значит, это он. Мой личный палач решил навестить свою жертву, чтобы проверить, насколько глубоко яд Гринвуда въелся в мой мозг.

Когда Томас уходит, я бросаюсь к подносу. Суп отправляется в унитаз, аппетита нет, к тому же еду здесь часто сдабривают легкими седативными. Я судорожно включаю кран и начинаю тереть лицо ледяной водой. Кожу щиплет, но это помогает. Мне нужна абсолютная, ледяная ясность.

Через час я стою перед дверью в комнату для свиданий. Внутри всё сжимается от первобытного страха, но я заталкиваю его поглубже в горло. Я не покажу ему свою слабость.

Медсестра толкает дверь, и я переступаю порог.

За пластиковым столом, посреди абсолютно пустой комнаты с мягкими стенами, сидит мужчина. Безупречный темно серый костюм тройка. Идеально уложенные волосы с легкой, благородной сединой на висках. На столе перед ним лежит дорогое кашемировое пальто и золотые часы.

Ричард.

Он поднимает голову, и на его лице тут же проступает выражение глубокой, почти осязаемой скорби. Эта маска отточена годами, на неё покупались все, от маминых подруг до судебных чиновников.

— Айрис, дорогая, — его голос звучит тихо, с надрывом.

Он поднимается, протягивая ко мне руки, словно хочет обнять. Я инстинктивно делаю шаг назад, едва не врежаясь в застывшего у двери санитара.

— Не подходи ко мне, — мой голос хрипит от долгого молчания, но в нем нет страха. Только чистая, концентрированная ненависть.

Ричард тяжело вздыхает и качает головой, опуская руки. В его глазах на долю секунды вспыхивает холодное торжество, но он тут же прячет его за фальшивой жалостью. Он садится обратно.

— Всё еще бредишь, бедная моя девочка. Врачи говорили мне, что прогресс идет медленно, но я до последнего надеялся. Доктора уверяют, что это защитная реакция твоей психики. Ты винишь меня в смерти матери, потому что твой разум не способна принять реальность.

— Хватит разыгрывать этот спектакль, Ричард, — я сажусь напротив, сжимая кулаки под столом, чтобы он не видел, как ходуном ходят мои пальцы, — Здесь нет камер. Нет твоих адвокатов. Зачем ты пришел?

Отчим наклоняется вперед. Расстояние между нами сокращается, и его маска скорбящего вдовца мгновенно осыпается, обнажая истинное лицо, расчетливое, жестокое и абсолютно равнодушное.

— Я пришел подписать последние бумаги, Айрис, — шепчет он, и его голос становится похож на шелест змеи в сухой траве, — Твоя доля в маминой компании. Перепиши её на мой фонд, и, обещаю, я переведу тебя в заведение с более мягким режимом. Где-нибудь в Швейцарии. Ты сможешь гулять по саду. Настоящему саду, а не этому бетонному загону.

— Никогда, — выплевываю я ему в лицо, — Мама строила этот бизнес не для того, чтобы он достался тебе. Ты ничего не получишь.

Ричард не злится. Он лишь снисходительно улыбается, и от этой улыбки у меня по спине пробегает мороз. Он медленно тянется к карману пиджака, достает оттуда дорогую ручку и пачку документов, аккуратно пододвигая их ко мне.

— Ты не понимаешь своего положения, дорогая. Ты думаешь, что борешься, но ты уже проиграла. Посмотри на себя. Ты бледная, истощенная, твоя медкарта разбухла от записей о твоих вспышках агрессии. Если ты не подпишешь бумаги сейчас, главврач просто увеличит дозу. Месяц. Может, два. И ты сама подмахнешь любой документ, даже не понимая, как тебя зовут.

Каждое его слово бьет наотмашь, потому что я знаю, что он прав. Моя партизанская война с таблетками не может длиться вечно. Рано или поздно меня поймают. Или мой организм просто сдастся.

— У тебя есть неделя, Айрис, — Ричард поднимается, плавно надевая пальто, — В следующий четверг я приеду снова. Надеюсь, к тому времени туман в твоей голове немного рассеется, и ты примешь правильное решение. Ради своего же блага.

Он разворачивается и идет к выходу. У самой двери он останавливается и, не оборачиваясь, бросает.

— Кстати. Вчера я избавился от её вещей. Выбросил этот дурацкий лавандовый крем и сжег фотографии. Прошлое нужно уметь отпускать.

Дверь за ним захлопывается с глухим, окончательным стуком.

В комнате повисает мертвая тишина. Слова Ричарда о маминых вещах отзываются в груди физической, режущей болью. Он пытается уничтожить её след не только в моем разуме, но и в физическом мире. Хочет, чтобы от неё ничего не осталось.

Санитар грубо берет меня за локоть, заставляя подняться.

— Пошли, Хант. Свидание окончено.

Я иду по длинному белому коридору обратно в свою камеру, но внутри меня что-то безвозвратно меняется. Страх, который сковывал меня последние полгода, сгорает, оставляя после себя только ледяную, звенящую ярость.

У меня есть всего одна неделя. Семь дней до того, как Ричард вернется и превратит меня в овощ. Ждать помощи бессмысленно, никто не придет. Безопасно играть в послушную пациентку больше нельзя, это тупик.

Значит, у меня остается только один путь. путь, который раньше казался мне безумием.

Мне нужно бежать из Гринвуда. И плевать, чего мне это будет стоить.

Глава 2.

Джейс

Запах гари это то, что невозможно вытравить из памяти. Ни дорогим одеколоном, ни ароматом столетней выдержки виски, ни стерильной свежестью пентхауса на пятидесятом этаже. Он въелся под мою кожу двадцать лет назад, когда мне было всего восемь, и остался там навсегда. Стоит мне закрыть глаза, как я снова оказываюсь в том дождливом октябрьском вечере.

Складской док на окраине промышленной зоны. Огромные, уходящие в темноту железные ангары, принадлежавшие логистической компании моего отца. Потолок, который внезапно превратился в ревущее, багровое море огня. Помню, как плавился пластик, как с треском рушились деревянные поддоны, отрезая пути к спасению. Но страшнее всего был звук. Не гул бушующего пламени, а крики. Крик моего отца, который до последнего пытался вытащить из задымленного ада задохнувшихся рабочих. И сирены. Бесконечные, воющие сирены, которые приехали слишком поздно.

Мой отец, честный, до тошноты правильный человек, не просто потерял в ту ночь всё дело своей жизни. Его сделали виновным. Технично, грязно, безжалостно. Все улики указали на умышленный поджог с целью получения страховки. Настоящий поджигатель, тот, кто подкупил охрану и подлил бензин в распределительный щит, остался в тени. Он получил контракт всей своей жизни, забрав освободившийся рынок, а мой отец получил тюремный срок и клеймо преступника.

Я помню нашу последнюю встречу в камере предварительного заключения. Его серые, осунувшиеся щеки, руки в синяках и кашляющий, надорванный дымом голос.

— Джейс, это был Хант. Это Дэмиан Хант подстроил. Пообещай мне, пообещай, что выживешь.

Отец повесился в камере через три недели. Не выдержал позора. А нас с матерью выбросило на самую обочину жизни. Нищета отличный учитель. Она не оставляет места для жалости, иллюзий или слабости. Когда у тебя на ужин только пустой бульон из кубика, а крыша над головой протекает от любого дождя, ты очень быстро учишься ненавидеть.

Я засыпал на дырявом матрасе, прижимаясь к ледяной стене нашего подвального жилья, и шептал одну и ту же клятву. Клятву стереть с лица земли каждого, в чьих венах течет кровь Хант. Каждого, кто причастен к нашей гибели. Кто пил шампанское на костях моего отца. Дэмиан Хант сдох несколько лет назад, так и не узнав, что мальчик из подвала вырос. Но у него осталась семья. Осталось наследие. И осталась дочь.

— Мистер Уэст, документы готовы. Мистер Ройс ожидает вас в малой переговорной, — тихий, вышколенный голос моей секретарши Элен возвращает меня в реальность.

Я открываю глаза. Никакого дыма. Никакого подвала. Под моими ладонями поверхность стола из дуба. За панорамным окном залитый неоновым светом деловой центр города. Моя империя. Мое оружие, которое я ковал долгие, мучительные двадцать лет, шаг за шагом поднимаясь из грязи, переступая через конкурентов, скупая долги и уничтожая чужие жизни с той же легкостью, с какой когда-то уничтожили мою.

— Пусть войдет, — коротко бросаю я, поправляя манжеты безупречной белоснежной рубашки.

Дверь открывается, и в кабинет входит Ричард Ройс. Отчим Айрис Хант. Человек, который удачно женился на вдове Дэмиана Ханта, а после её подозрительно скорой кончины прибрал к рукам контрольный пакет акций.

Почти прибрал. Если бы не девчонка.

Ричард выглядит именно так, как выглядят все мелкие хищники, дорвавшиеся до больших денег. Слишком дорогой костюм, который сидит на нем слегка неестественно, суетливые движения, бегающий взгляд. Он отчаянно пытается казаться равным мне, но его выдает тяжелое, нервное дыхание.

Он погряз в долгах. Пытаясь удержать на плаву логистическую империю Ханта, Ройс совершил массу ошибок, и теперь его со всех сторон поджимают кредиторы. Единственный его шанс выжить мои инвестиции. Пятьдесят миллионов долларов, которые я готов влить в его фонд в обмен на одну маленькую, формальную услугу.

— Джейс, рад видеть, — Ричард фальшиво улыбается, протягивая руку. Я игнорирую его жест, просто указывая подбородком на кресло напротив.

Он проглатывает обиду, садится и кладет на стол кожаную папку.

— Я принес всё, о чем мы договаривались, — говорит он, понизив голос, — Заключение независимой медицинской экспертизы, решение суда о признании Айрис Хант недееспособной и документы на передачу опеки. Полной, безоговорочной опеки над ней.

Я беру бумаги. Строгие юридические формулировки. Печати. Подписи врачей из клиники Гринвуд.

Латентная шизофрения, склонность к суициду, нуждается в постоянном изоляционном уходе и контроле законного представителя.

Какая мерзость. Этот ублюдок сдал собственную падчерицу в дурдом, чтобы она не смогла оспорить завещание матери и забрать свою долю. Он пичкал её нейролептиками полгода, разрушая её разум, лишь бы сохранить за собой кресло руководителя.

Впрочем, мне плевать на его моральный облик. Его жадность и трусость мой главный инструмент. Если бы Айрис Хант осталась в Гринвуде, она бы просто превратилась в овощ и сдохла там через пару лет. Но мне не нужна её смерть. Мне нужно, чтобы она заплатила за грехи своего отца лично мне. Каждым своим вздохом. Каждой каплей своих слез.

— Вы уверены, что с ней не возникнет проблем, Ричард? — я медленно перелистываю страницы, фиксируя взглядом подпись Ройса, — Девчонка не попытается заявить на вас?

Ройс пренебрежительно машет рукой, хотя в его глазах на миг проскальзывает тень страха.

— Исключено. Она на таких препаратах, что едва соображает, как её зовут. Иногда у неё случаются вспышки агрессии, она бредит, обвиняет меня во всех смертных грехах. Типичный психоз на почве тяжелой утраты. Доктора поработали на совесть. К тому же, юридически она

теперь никто. Бумажная пыль. Вы забираете её на домашнее лечение в закрытое поместье. Для прессы и проверяющих органов она просто тяжелобольная сирота, которой вы, как щедрый меценат, обеспечиваете лучший уход.

— Отлично, — я достаю ручку и ставлю свою размашистую подпись на инвестиционном соглашении, — Деньги поступят на счет вашего фонда в течение двух часов. С этого момента компания фактически принадлежит моему консорциуму. А Айрис Хант принадлежит мне.

Ричард Ройс расплывается в довольной, облегченной улыбке. Он готов продать душу дьяволу, лишь бы спасти свою шкуру, и даже не понимает, что дьявол уже сидит перед ним. Он избавляется от девчонки, которая могла разрушить его благополучие, думая, что совершил идеальную сделку.

— Приятно иметь с вами дело, Джейс, — он забирает свой экземпляр контракта, едва ли не светясь от счастья, — С девчонкой можете делать всё, что посчитаете нужным. Для меня её больше не существует.

О да, Ричард. Для тебя точно.

Спустя три часа мой представительский майбах мягко шуршит шинами по гравию подъездной дорожки психиатрической клиники Гринвуд. Это место выглядит удручающе, серые бетонные стены, колючая проволока по периметру, решетки на узких окнах. Настоящая тюрьма для тех, чья вина лишь в том, что они стали неудобны своим близким. Главврач клиники, доктор Корн, лично провожает меня до черного входа. Он кланяется мне чуть ли не в пояс, еще бы, Ройс предупредил его, кто именно забирает пациентку, а мои адвокаты уже перевели клинике солидный благотворительный взнос за молчание и быстрое оформление документов.

— Мистер Уэст, должен вас предупредить, — заискивающе говорит Корн, поправляя очки, — Пациентка Хант в последнее время демонстрировала крайнюю нестабильность. Буквально сегодня утром у неё был тяжелый срыв после визита мистера Ройса. Нам пришлось применить усиленный седативный комплекс, чтобы подготовить её к транспортировке. Сейчас она без сознания. Ей потребуется жесткий контроль.

— Я справлюсь, доктор, — холодно отрезаю я, останавливаясь у машины, — Мой персонал обучен работе с трудными случаями.

Двое санитаров выкатывают кресло-каталку через массивные двери. На нем, бессильно откинув голову назад, сидит Айрис Хант. Я впервые вижу её так близко. На фотографиях из частных архивов, которые собирали мои ищейки, она выглядела совсем иначе. Яркая, улыбающаяся, с живыми глазами, уверенная в себе наследница огромного состояния. Сейчас от этой девушки не осталось почти ничего. Она выглядит пугающе хрупкой, почти прозрачной в этой мешковатой, больничной серой одежде. Лицо бледное, как больничный кафель, под глазами залегли глубокие, синеватые тени, губы искусаны до крови. Темные волосы спутанными прядями падают на лицо. Её руки, лежащие на подлокотниках, кажутся совсем тонкими, а на запястьях видны багровые следы от ремней фиксации.

Они ломали её. Ломали методично и жестоко.

Санитары аккуратно пересаживают её на заднее сиденье моего автомобиля. Она не издает ни звука, её тело обмякло, голова безвольно падает на кожаную обивку кресла. Она полностью во власти химического тумана, которым её накачали по приказу отчима.

— Документы, мистер Уэст, — доктор Корн протягивает мне медицинскую карту, — Здесь график приема препаратов. Если прервать курс, симптомы могут вернуться в более острой форме.

Я беру карту, даже не глядя в неё, и швыряю на переднее сиденье.

— Свободны, доктор.

Я сажусь в машину рядом с Айрис, и тяжелая дверь майбаха захлопывается, отрезая нас от убогого мира клиники Гринвуд. Перегородка, отделяющая нас от водителя, поднимается. В салоне воцаряется абсолютная, глухая тишина. Автомобиль плавно трогается с места, увозя нас прочь из этого ада в мое загородное поместье, место, которое станет для неё новой, куда более строгой клеткой.

Я поворачиваю голову и в упор смотрю на спящую девушку. Ее дыхание слабое, едва заметное. Грудь под серой тканью вздымается редко и прерывисто. Временами её ресницы вздрагивают, а тонкие пальцы судорожно сжимаются, словно даже в этом химическом сне она пытается за что-то удержаться. За какую-то последнюю иллюзию. За свое ускользающее я.

Я протягиваю руку, подцепляю пальцами её подбородок и заставляю её лицо повернуться ко мне. Кожа холодная, почти ледяная. На щеке свежая царапина, видимо, след сегодняшней утренней борьбы с санитарями.

Внутри меня нет жалости. Ни капли. Когда я смотрю на неё, я вижу не беззащитную жертву человеческой жестокости. Я вижу кровь Дэмиана Ханта. Человека, который разрушил мою семью, который обрек мою мать на медленную смерть от нищеты и болезней, а моего отца на петлю в грязной камере. Дэмиан Хант забрал у меня детство, имя, будущее. Он заставил меня пройти через ад. И теперь его дочь пройдет через этот ад вместе со мной.

Её отчим думает, что избавился от проблемы. Она сама, возможно, надеялась, что побег или перевод из клиники принесет ей спасение. Но она еще не знает, что попала в руки к настоящему чудовищу. Я не собираюсь лечить её. И я не собираюсь давать ей таблетки, которые делают из неё овощ, мне нужен её ясный, функционирующий разум, чтобы она в полной мере осознавала каждый день своего падения.

Она будет жить в моем доме, подчиняться моим приказам, зависеть от каждого моего слова. Я заберу у неё всё, что у неё осталось. Свободу, гордость, волю.

Я наклоняюсь к самому её уху, чувствуя едва уловимый, чуждый этому роскошному автомобилю запах лекарств и больничной сырости. Мой голос звучит тихо, зловеще, заполняя всё пространство между нами.

— Твой отец забрал у меня всё, Айрис, — шепчу я, и мои пальцы сильнее сжимают её подбородок, оставляя на бледной коже красные пятна, — Он превратил мою жизнь в пепел. Теперь я заберу твою жизнь. Добро пожаловать в твой личный ад, Айрис Хант.

Машина набирает скорость, унося нас в темноту наступающей ночи, где для неё больше не будет рассветов. Только моя воля. Только моя месть.

Загородная трасса встречает нас глухой стеной многовекового леса. Высокие сосны мелькают за тонированным стеклом, превращаясь в бесконечный забор, отрезающий нас от остального мира. Фары майбаха выхватывают из темноты лишь ровное полотно асфальта, уходящее вперед, туда, где за коваными воротами скрывается мое родовое гнездо, старое поместье Уэстов. То самое, которое мне пришлось выкупать обратно за бешеные деньги, цент за центом, у чужих людей, когда я наконец встал на ноги.

Я опускаю руку. Кожа на подбородке Айрис мгновенно белеет там, где секунду назад оставались следы моих пальцев. Ее голова снова безвольно клонится набок, упираясь в мягкий подголовник. Она дышит тяжело, со свистом, словно даже во сне пытается прорваться сквозь вязкий туман вколотых ей препаратов.

Усиленный седативный комплекс, как выразился доктор Корн. Какое красивое название для обычного химического кляпа.

Я лезу в карман пиджака и достаю тяжелый золотой портсигар, вещь, которая когда-то принадлежала моему отцу и чудом уцелела в конфискации. Достаю сигарету, но не прикуриваю. Просто кручу её между пальцами, глядя на то, как неоновый свет приборной панели скользит по лицу Айрис Хант.

Она молода. Ей всего двадцать пять. Чуть больше, сколько было мне, когда я закрыл свой первый крупный контракт и впервые за долгие годы смог наесться досыта. Но у нее, в отличие от меня, было всё. Лучшие частные школы, дорогие курорты, будущее, расписанное на десятилетия вперед, и состояние, выстроенное на чужих костях. На костях моей семьи.

Интересно, рассказывал ли ей Дэмиан Хант, откуда взялись деньги на её первый автомобиль? Рассказывал ли, как в октябре двухтысячного года горел склад Уэстов и как его бывший партнер, задыхаясь от кашля, умолял судей выслушать правду? Нет, конечно. Для нее он был любящим, святым отцом. Тем более забавно, что теперь за его грехи её расплачивается её собственный отчим, сдавший девчонку мне, как ненужный балласт.

Машина плавно притормаживает. Перед глазами вырастают массивные железные ворота. Два коротких гудка, и створки медленно, со скрипом расходятся в стороны. Водитель направляет автомобиль по длинной, обсаженной дубами аллее прямо к трехэтажному особняку из темного кирпича. В окнах горит тусклый, дежурный свет. Здесь нет лишней прислуги, нет суеты. Только старый Маркус, который управлял этим домом еще при моем отце, и пара проверенных людей из охраны. Никаких лишних глаз.

— Приехали, мистер Уэст, — раздается из динамика тихий голос водителя.

Перегородка опускается. Я открываю дверь и выхожу в прохладную ночную сырость. Воздух пахнет дождем и палой листвой.

— Маркус, — бросаю я подошедшему к машине пожилому мужчине в строгом костюме, — Подготовь комнату на третьем этаже. В левом крыле. Ту, где окна выходят на внутренний двор.

Старик бросает короткий, профессионально равнодушный взгляд на заднее сиденье, где всё еще неподвижно лежит Айрис, и слегка наклоняет голову.

— Всё уже готово, сэр. Как вы и приказывали. Решетки на окнах проверены, замок на двери исправен. Лекарства из списка, который прислали адвокаты, закуплены.

— Лекарства выброси, — отрезаю я, расстегивая пуговицу пиджака, — Нам не нужен овощ. Пусть её организм очищается. Мне нужно, чтобы она понимала, где находится и кто перед ней стоит, когда откроет глаза.

Маркус заметно вздрагивает, но не задает вопросов. Он слишком хорошо знает историю моей семьи и слишком предан памяти моего отца, чтобы сочувствовать той, чья фамилия Хант.

Я наклоняюсь в салон автомобиля, подхватываю Айрис на руки и выпрямляюсь. Она оказывается на удивление легкой, почти невесомой, словно я несу не взрослую девушку, а тряпичную куклу. Её голова бессильно падает мне на плечо, и длинные, запутавшиеся пряди темных волос касаются моей шеи. От нее пахнет этой удушливой больничной стерильностью, сыростью и едва уловимым, горьковатым ароматом каких-то дешевых успокоительных капель. Этот запах вызывает у меня мгновенный приступ глухого раздражения.

Шаг за шагом я поднимаюсь по каменной лестнице особняка. Мои туфли гулко стучат по мраморному полу холла, а затем звук становится глуше, когда мы ступаем на ковровую дорожку лестницы, ведущей на третий этаж.

Левое крыло дома всегда пустовало. Здесь толстые стены, тяжелые дубовые двери и полная изоляция от остальной части здания. Идеальное место для того, чтобы спрятать кого-то от всего мира. Или для того, чтобы запереть врага.

Я толкаю ногой дверь в конце коридора. Комната встречает нас полумраком и прохладой. Обстановка спартанская. Широкая кровать с железным изголовьем, привинченный к полу небольшой стол, один стул и пустой шкаф. Никаких острых предметов, никаких зеркал, никаких тяжелых портьер, которые можно было бы использовать не по назначению. Окно закрыто массивной декоративной решеткой, снаружи она выглядит как элемент викторианской архитектуры, но изнутри превращает комнату в самую настоящую камеру.

Я аккуратно, но без лишней нежности опускаю Айрис на жесткий матрас. Она едва слышно стонет, когда её спина касается простыней, и её брови на мгновение сдвигаются к переносице, словно сквозь сон она чувствует перемену обстановки.

Я стою над ней, засунув руки в карманы брюк, и смотрю сверху вниз.

Её бледное лицо в полумраке кажется почти святым, если бы не искусанные в кровь губы и синяки на тонких запястьях, которые теперь отчетливо видны в тусклом свете настенного бра. Ричард Ройс и его доктора постарались на славу. Они думали, что уничтожат её разум

ради денег. Они даже не догадывались, что лишь подготавливают её для моей мести. Облегчали мне задачу.

Но они ошиблись в одном, я не собираюсь её ломать физически. Больничные ремни и психотропные препараты это оружие трусов вроде Ройса. Мое оружие это реальность. Я заставлю её по кусочкам собрать правду о своем отце. Я покажу ей каждую страницу уголовного дела моего папы, каждый отчет о пожаре, каждую квитанцию о переводах Дэмиана Ханта на счета подкупленных судей. Я заставлю её прочесть это. А потом я заберу у неё всё, что её отец отнял у меня.

— Добро пожаловать домой, Айрис Хант, — негромко произношу я, разворачиваясь к выходу, — Твой отдых окончен. Завтра начнется твой настоящий кошмар.

Я выхожу из комнаты и плотно прикрываю за собой тяжелую дверь. Щелчок врезного замка звучит в пустом коридоре третья этажа как ружейный выстрел, ставя окончательную точку в её прошлой жизни. Назад дороги нет. Ни для нее, ни для меня. Месть, которую я вынашивал двадцать лет, наконец обрела плоть и кровь. И я не остановлюсь, пока не выжгу эту фамилию до самого основания.

Глава 3. **Айрис**

Пробуждение наступает не так, как в Гринвуде. Там оно всегда было резким, болезненным, сопровождающимся скрипом железных дверей и ледяным голосом Марты. Сейчас я всплываю из темноты медленно, словно пробиваюсь сквозь толщу тяжелой, черной воды.

Первое, что возвращается ко мне это осязание. Под моими пальцами не жесткая, пропахшая хлоркой больничная простыня, а гладкая, прохладная ткань.

Второе запахи. Больше нет удушливого аромата нейролептиков и дешевой дезинфекции. Воздух вокруг чистый, с легким оттенком дорогого дерева, старой бумаги и чего-то едва уловимо горького, похожего на табачный дым.

Я с трудом открываю веки. Глаза режет от непривычного полумрака. Какое-то время я просто лежу неподвижно, боясь пошевелиться, боясь спугнуть это странное ощущение. Неужели мне это снится? Неужели туман в моей голове наконец победил, и я окончательно погрузилась в мир собственных иллюзий? В мои двадцать пять лет я уже успела повидать достаточно дерьма, чтобы разучиться верить в чудеса.

Я медленно поворачиваю голову.

Это не палата. Я лежу на огромной, широкой кровати с высоким железным изголовьем. Комната вокруг меня огромная, мрачная, выполненная в темных тонах. Потолок уходит высоко вверх, теряясь в тени. Стены обшиты темными деревянными панелями, которые словно сжимают пространство, делая его тяжелым, почти осязаемым. В углу стоит массивный пустой шкаф, чуть дальше привинченный к полу стол и единственный стул. Минимализм, граничащий с тюремной камерой, но завернутый в обертку старинной роскоши.

Я резко сажусь на постели. В висках тут же взрывается острая, пульсирующая боль, остаточный эффект того коктейля, которым меня накачали перед отъездом. Память возвращается урывистыми, рваными вспышками. Свидание с Ричардом. Его змеиный шепот о маминых вещах. Мое решение бежать. А потом меня скрутили санитары. Доктор Корн с огромным шприцем в руке. И темнота.

Где я?

Я сбрасываю одеяло и опускаю ноги на пол. На мне всё та же серая больничная одежда, ставшая уже второй кожей. Переборов слабость и головокружение, я практически на четвереньках добираюсь до огромного окна. За стеклом глухая, непроглядная ночь и верхушки вековых сосен, качающиеся от ветра.

Я хватаюсь за тяжелую латунную ручку и тяну её на себя. Ничего. Я давлю сильнее, упираясь ногами в подоконник, дергаю изо всех сил, пока пальцы не начинают сводить от напряжения. Ручка не поддается ни на миллиметр. Окно заблокировано. Намертво. Изнутри нет никаких видимых замков или решеток, но само стекло кажется невероятно толстым, почти бронированным. Это не спальня. Это золотая клетка. Новая, куда более изысканная форма изоляции.

— Пытаться открыть его бесполезно. Стекло выдержит выстрел из крупного калибра.

От неожиданности я вскрикиваю и резко оборачиваюсь, прижимаясь спиной к холодному подоконнику. Мое сердце испуганно заходится в бешеном ритме.

В дверях, наполовину скрытый тенями коридора, стоит мужчина. Он медленно делает шаг вперед, переступая порог комнаты, и свет настенного бра наконец падает на его лицо. Безупречно скроенный дорогой костюм, белоснежная рубашка с расстегнутым воротом, темные волосы, зачесанные назад. Но самое страшное в нем это глаза. Холодные, серо-стальные, абсолютно пустые, словно высеченные из ледника. В них нет ни капли тепла, ни грамма человеческого сочувствия. Только ледящее, расчетливое высокомерие.

Я инстинктивно сжимаюсь, пытаюсь стать как можно меньше. Я помню его. Сквозь пелену химического сна, когда меня везли сюда, я помню эти руки, которые несли меня, и этот тихий, зловещий шепот у самого уха.

В голове мгновенно выстраивается логическая цепочка, грязная и до боли очевидная. Ричарду нужны были деньги, чтобы скрыть свои махинации с маминым наследством. А этому человеку, судя по всему, нужна была послушная, бесправная игрушка. Недееспособная по документам, запертая в загородном особняке, о существовании которой никто и никогда не вспомнит. Для мужчины с его статусом и возможностями я просто трофей, экзотическая вещь, которую можно использовать для любых, самых изощренных плотских утех, не опасаясь последствий. В Гринвуде я слышала истории о таких девушках. Их списывали по медицинским картам, а потом они бесследно исчезали в закрытых поместьях богатых извращенцев.

Ужас ледяной волной прокатывается по телу, но вместе с ним включается инстинкт выживания, натренированный за полгода в психушке. В Гринвуде я поняла одно важное правило, если ты хочешь выжить, ты должна играть ту роль, которую от тебя ждут. Будешь кри-

чать и бросаться на стены получишь дозу галоперидола. Будешь покорной получишь шанс дожидаться момента для удара.

Я заставляю свои дрожащие губы растянуться в бледной, жалкой подобии улыбки. Я медленно отхожу от окна, делая шаг навстречу своему новому хозяину. Опускаю голову, пряча взгляд, и сознательно ссутуливаю плечи, демонстрируя полную, абсолютную покорность.

— Я всё понимаю, — мой голос звучит тихо, с придыханием, как у испуганной, сломленной птицы, — Ричард отдал меня вам, верно? Я не буду создавать проблем. Правда. Я буду делать всё, что вы прикажете. Всё, что вам нужно. Только, пожалуйста, не отправляйте меня обратно в Гринвуд. Не нужно побоев. Я буду послушной.

Я делаю еще один шаг, сокращая расстояние между нами, и протягиваю руку, намереваясь коснуться рукава его дорогого пиджака. Пальцы мелко дрожат. Я внутренне сжимаюсь, ожидая, что сейчас он грубо схватит меня, прижмет к себе или начнет диктовать свои условия. Я готова терпеть. Я вытерплю всё, лишь бы выгадать время, изучить этот дом и найти способ сбежать.

Он просто смотрит на мою протянутую руку так, словно к нему приближается грязное, ядовитое насекомое.

Когда мои пальцы оказываются в паре сантиметров от его костюма, он делает молниеносное, жесткое движение. Его ладонь перехватывает мое запястье. Но вместо того, чтобы притянуть меня к себе для поцелуя или объятий, он с силой толкает меня обратно.

Я не удерживаюсь на ногах и отлетаю назад, больно ударившись бедром о край стола. Колени подкашиваются, и я практически сползаю на пол, тяжело дыша и непонимающе глядя на него снизу вверх.

— Избавь меня от этого дешевого спектакля, Айрис, — его голос звучит так, словно он зачитывает смертный приговор. Ровный, ледяной, лишенный каких-либо эмоций, — Твоя покорность вызывает у меня только тошноту. Ты думаешь, я купил тебя для постели? Думаешь, мне нужно твое жалкое, истощенное тело? Ты слишком высокого мнения о себе.

Он подходит ближе, и его огромная фигура полностью перекрывает мне свет от бра, погружая меня в его личную, осязаемую тьму. Он наклоняется, хватая меня за ворот серой больничной рубашки, и одним рывком заставляет подняться на ноги. Мое лицо оказывается в нескольких сантиметрах от его. Я вижу каждую черточку его порочного, красивого лица, вижу, как сужаются его зрачки.

— Слушай меня внимательно и запоминай с первого раза, — цедит он сквозь зубы, — Ты не гостья в этом доме. Ты не содержанка. Отныне ты моя личная заключенная. И останешься ей до тех пор, пока я не решу, что твоя плата внесена полностью.

Я чувствую, как у меня перехватывает дыхание. Паника, настоящая, первобытная паника начинает затапливать мой разум.

— О какой плате вы говорите? — шепчу я, пытаюсь вырваться из его мертвой хватки, — Я вас даже не знаю. Я никогда вас не видела. Мой отчим, он украл мои деньги, он.

— Твой отчим ничтожество, мелкий воришка, который получил свои тридцать сребренников и сбежал, — он резко разжимает пальцы, и я снова качаюсь, едва удерживая равновесие.

Он разворачивается и подходит к столу, на котором лежит моя медицинская карта и несколько пластиковых флаконов с лекарствами, теми самыми, что доктор Корн заботливо передал вместе со мной. Он берет один из флаконов, крутит его в руках, а затем неторопливо направляется к небольшой раковине, расположенной в углу спальни.

С сухим щелчком он срывает крышку.

— Что вы делаете? — вскрикиваю я, делая шаг вперед.

Несмотря на мою ненависть к таблеткам, внутри меня срабатывает заложенный врачами страх, синдром отмены, резкий отказ от препаратов может свести с ума, так мне всегда говорила Марта.

Он игнорирует мой крик. Он переворачивает флакон, и в раковину с тихим шорохом посыпались десятки розовых и желтых таблеток. Затем он включает ледяную воду. Поток смывает ядовитые крупы в сливное отверстие, растворяя их без остатка. То же самое он проделывает со вторым и третьим флаконом. Белые, жидкие капли седативных препаратов смешиваются с водой и исчезают.

— Мне не нужен овощ, Айрис, — произносит он, выключая кран и аккуратно вытирая руки носовым платком.

Он поворачивается ко мне, и в его глазах вспыхивает что-то настолько жуткое, что у меня подкашиваются ноги.

— Мне нужна ты в трезвом уме. Твой разум должен быть абсолютно чист. Ты должна каждую секунду своего пребывания здесь отчетливо понимать, где ты находишься. И, главное, ты должна отчетливо понимать, за чьи грехи ты будешь страдать.

Его слова бьют меня наотмашь. Я застываю посреди комнаты, чувствуя, как холодный пот прошибает спину. Хватка безумия, которой я так боялась в Гринвуде, сейчас кажется мне детской сказкой по сравнению с тем, что происходит в этой мрачной спальне.

— За чьи грехи? — мой голос срывается на хрип.

Я прижимаю ладони к груди, чувствуя, как под пальцами бешено колотится сердце.

— О чем вы говорите? Я ничего не сделала. Я полгода провела в лечебнице, меня заперли там ни за что. Моя мама умерла, мой отчим.

— Твой мать получила то, что заслужила, — жестоко обрывает меня он, и на его скулах проступают желваки, — А ты ответишь за своего отца. За Дэмиана Ханта.

Дэмиан Хант. Мой папа.

Внутри меня словно что-то обрывается. Мой отец умер несколько лет назад. Он был добрым, мягким человеком, который обожал меня, который строил компанию, который. Что этот безумец может знать о моем отце?

— Мой отец был честным человеком, — выкрикиваю я, забыв о всякой осторожности, о роли покорной овечки, обо всем на свете.

Обида и злость за память родителей на миг перевешивают страх.

— Он ни в чем не виноват. Вы сумасшедший. Вы такой же монстр, как и Ричард, вы просто.

Он делает один стремительный шаг, сокращая расстояние между нами. Он не бьет меня, но его аура, его ледяная ярость давят с такой силой, что я невольно отступаю назад, пока снова не упрусь спиной в заблокированное окно. Выхода нет.

— Я просто Джейс Уэст, а твой отец был тварью, Айрис, — его голос падает до опасного, свистящего шепота.

Он наклоняется так близко, что я чувствую тепло его дыхания на своих губах, но это тепло пропитано смертью.

— Он уничтожил мою семью. Он сжег дотла дело жизни моего отца, обвинил его в поджоге и отправил гнить в тюрьму, где тот повесился. Твой отецпил шампанское на наши деньги, пока мы с матерью подышали в нищете в сыром подвале. Ты росла в роскоши, Айрис. Все твои двадцать пять лет были обеспечены кровью моего отца. Ты носила дорогие платья, купленные на его украденную жизнь. И ты думаешь, что ты ни при чем?

Я смотрю в его серо-стальные глаза и вижу в них бездонную, выжженную пустыню. В его словах столько концентрированной, многолетней ненависти, что она физически давит на меня, не давая дышать.

Пожар? Тюрьма? Нищета?

Мой разум отказывается принимать эту информацию. Этого не может быть. Мой папа не мог так поступить. Он не мог уничтожить чужую жизнь. Это какая-то ошибка, чудовищная, бредовая ошибка. Он перепутал меня с кем-то другим, или его собственное безумие извратило реальность.

— Это неправда, — шепчу я, и из моих глаз против воли начинают катиться слезы, оставляя горячие дорожки на бледных, искусанных щеках, — Мой папа, он бы никогда. Вы ошибаетесь. Пожалуйста, послушайте меня.

— Я не ошибаюсь, — отрезает он, и его лицо снова превращается в непроницаемую маску из льда.

Хватка его ярости исчезает, оставляя после себя лишь мертвенное равнодушие. Он выпрямляется, презрительно глядя на мои слезы.

— Скоро ты сама во всем убедишься. Я заставлю тебя изучить каждый документ, каждую строчку дела. Ты будешь знать правду, Айрис. И эта правда уничтожит тебя изнутри.

Он разворачивается и идет к двери. У самого порога он останавливается, не оборачиваясь.

— Завтра начнется твоя новая жизнь. Советую выспаться. В этом доме слезы тебе не помогут.

Дверь закрывается с глухим, тяжелым стуком. Засов снаружи щелкает, отрезая меня от мира.

Я остаюсь одна в огромной, мрачной комнате. Силы окончательно покидают меня, и я медленно сползаю по стеклу окна на пол, обнимая колени руками. Меня бьет крупная, неудержимая дрожь.

В Гринвуде я боролась за то, чтобы просто выжить, чтобы не забыть свое имя и лицо мамы. Я думала, что хуже того ада ничего быть не может. Но сейчас, глядя на пустую раковину, где только что исчезли мои лекарства, и слушая вой ветра за бронированным стеклом, я понимаю, Гринвуд был лишь преддверием.

Я попала в руки к человеку, который ненавидит меня самой лютой, экзистенциальной ненавистью. Человеку, для которого имя Дэмиана Ханта это синоним проклятия. И самое страшное, я понятия не имею, о каком преступлении моего отца он говорит.

Я зажмуриваюсь, пытаюсь вызвать в памяти образ папы, но туман в голове и пережитый ужас размывают его, оставляя лишь холодный, пугающий шепот Джейса Уэста.

Теперь я заберу твою жизнь.

Тьма за окном кажется бесконечной, и впервые за долгое время мне становится по-настоящему, смертельно страшно.

Часы на стене отсчитывали бы секунды моего падения в бездну. Но времени здесь словно не существовало, только холодный лунный свет, медленно ползущий по паркету, да монотонный гул ветра в кронах сосен за бронированным стеклом.

Я не знаю, сколько часов провела на полу, прижимаясь к ледяному подоконнику. Колени затекли, тело била мелкая дрожь, но разум, парадоксальным образом лишенный привычной химической пелены, работал пугающе четко.

Джейс вылил мои таблетки. В Гринвуде нас приучали дрожать перед пропуском хотя бы одного приема.

— Ваш мозг без них как оголенный провод, Айрис, — любил повторять доктор Корн, мягко улыбаясь и поправляя очки.

Но сейчас, вместо ожидаемого хаоса и галлюцинаций, внутри меня зрела странная, звенящая пустота. Страх никуда не делся, он просто трансформировался в глухое, инстинктивное упорство.

Я заставила себя подняться. Ноги слушались плохо, но я упрямо дошагала до раковины. На белом фаянсе не осталось и следа от растворившихся седативных препаратов. Вода смыла их, как Джейс Уэст планировал смыть мою прошлую жизнь.

— Дэмиан Хант, — мысленно произнесла я имя отца.

В моем воспоминании он всегда оставался человеком в мягком кашемировом свитере, от которого пахло корицей и дорогим одеколоном. Он читал мне сказки, когда я была маленькой, и терпеливо учил водить машину, когда мне исполнилось восемнадцать. Человек, который не мог обидеть и ребенка.

— Он сжег дотла дело жизни моего отца, — ледяной голос Джейса снова прозвучал в ушах.

Если Уэст не сумасшедший, а он им явно не выглядел, слишком расчетливым, слишком собранным был каждый его жест, значит, существовала другая сторона жизни моего отца. Сторона, о которой мне, единственной дочери, никогда не рассказывали. Роскошь, в которой я росла, платья, закрытые школы. Неужели всё это действительно было построено на чем-то пепле?

Я подошла к тяжелому деревянному столу. На нем, сиротливо поблескивая в полумраке, лежала моя тонкая медицинская карта из клиники, единственное, что связывало меня с прежней Айрис. Я протянула руку и открыла ее. Страницы были испещрены сухими медицинскими терминами, диагнозами, которые Ричард состряпал вместе с Корном, чтобы упрятать меня подальше. Паранойяльный синдром, прогрессирующая эмоциональная лабильность. Грязная ложь от первого до последнего слова.

Но под картой лежал еще один предмет, которого я не заметила сначала. Маленький, обтянутый темной кожей блокнот и простая шариковая ручка.

Я открыла первую страницу. Она была пуста.

Это был вызов. Уэст не оставил мне книг, не оставил телефона, не оставил ничего, что могло бы отвлечь мой ум. Только чистые листы. Он хотел, чтобы я задокументировала свое собственное разрушение? Или ждал, что я начну писать признания за грехи, о которых ничего не знаю?

Я взяла ручку. Пальцы до сих пор немного дрожали, но когда стержень коснулся бумаги, я вывела ровную, четкую строчку.

Я Айрис Хант. Мне двадцать пять лет. Моего отца звали Дэмиан Хант. Я нахожусь в доме Джейса Уэста. Я не сошла с ума.

Это был мой первый якорь. Мой тайный манифест против ледяного замка, в котором меня заперли. Что бы ни принес завтрашний день, какие бы документы Уэст ни заставил меня читать, я должна была помнить, кто я есть.

Я закрыла блокнот и спрятала его под матрас огромной кровати. Затем я легла, не раздеваясь, прямо поверх прохладного покрывала, и уставилась в темный потолок. Сон не шел, но страх постепенно уступал место чему-то новому, глухой, яростной решимости узнать правду. Если мой отец действительно совершил то, в чем его обвиняют, я должна это увидеть. А если Уэст лжет, я найду способ превратить его идеальный капкан в его собственную ловушку.

Глава 4. **Джейс**

Слабость это первое, что убивает человека. Не пуля, не нож под ребро и не банкротство. Именно готовность пойти на компромисс со своей минутной уязвимостью превращает жизнеспособный организм в падаль.

Мой отец совершил эту ошибку лишь однажды, когда доверился Дэмиану Ханту, своему лучшему другу и партнеру. Он проявил слабость, позволив семейной привязанности затуманить холодный рассудок. Итог оказался закономерен, пепелище на месте завода, позорное клеймо поджигателя, сырой подвал для нас с матерью и ржавая пружина тюремного матраса, на которой отец затянул свою петлю. Десять лет я вытравливал из себя любые проявления жалости, как выжигают заразу раскаленным железом. И теперь, глядя через стекло скрытой камеры на корчащуюся на кровати девчонку, я не чувствовал ничего, кроме холодного, исследовательского интереса.

Прошло ровно тридцать шесть часов с тех пор, как седативный коктейль доктора Корна перестал поступать в её кровь. Химия предсказуемая штука. Когда ты полгода держишь мозг человека на искусственном поводке из тяжелых нейролептиков, а потом в один день обрываешь этот трос, система неизбежно идет вразнос. Это называется синдромом отмены. Врачи в клиниках называют это острым психотическим рикошетом. Я называл это возвращением к реальности.

Айрис Хант ломало.

Она лежала на спине, вцепившись тонкими, побелевшими пальцами в железные прутья изголовья. Её серая больничная рубашка промокла от пота и облепила тело, очерчивая острые ключицы и ребра. В свои двадцать пять лет она выглядела пугающе хрупкой, почти прозрачной, бледная кожа, синева под глазами, искусанные в кровь губы. Её лихорадило. Каждые несколько минут её тело прошибала крупная, неудержимая дрожь, заставляя выгибаться дугой.

Экран монитора на моем столе транслировал звук из её комнаты. Тихое, прерывистое хрипение, переходящее в свистящий шепот. Мозг Айрис, лишенный искусственного торможения, сейчас бомбардировал её сознание накопленным ужасом. Начались галлюцинации.

— Нет. Марта, не надо, — шептала она, пытаясь забиться под подушку, — Пожалуйста, не надо шприц. Я послушная. Я буду.

Она отмахивалась от невидимых теней, её глаза были широко распахнуты, но зрачки огромные, на всю радужку, не фокусировались на предметах. Она видела свой собственный ад. Видела стены Гринвуда, доктора Корна, санитаров.

В дверь моего кабинета тихо постучали. Маркус, мой начальник службы безопасности и личный помощник, вошел без шума, как всегда.

— Джейс, — он бросил короткий взгляд на монитор, — Вызвать нашего врача? Симптоматика тяжелая. Судорожный синдром может усилиться. Если у нее остановится сердце или начнется отек мозга, вся комбинация с наследством Ханта пойдет прахом.

Я не повернул головы. Мои пальцы медленно перебирали листы из архивного дела тридцатилетней давности, оригиналы отчетов о пожаре, которые мне удалось выкупить у продажного копа.

— Никаких врачей, Маркус. Она должна пройти через это сама.

— Она может умереть.

— Не умрет. Дозы, которые ей колол Корн, были рассчитаны на подавление воли, а не на физическое уничтожение. Её организм молод. Пусть очищается. Мне не нужен послушный овощ, который будет подписывать бумаги слюнявым ртом. Мне нужна Айрис в трезвом уме, способная осознать каждую строчку своей вины.

Маркус молча кивнул и вышел. Он слишком давно работал на меня, чтобы спорить.

Я поднялся, поправил манжеты белоснежной рубашки и взял со стола поднос с простым завтраком: стакан чистой воды и кусок подсушенного хлеба. Пора было переходить ко второму этапу. Физическая ломка лишь подготовка почвы. Психологическое давление дает результат только тогда, когда человек полностью теряет опору под ногами. Она должна была понять, что старый мир уничтожен, а правила нового пишу я.

Когда я вошел в её спальню, тяжелый засов на двери щелкнул с тем самым звуком, который она, без сомнения, успела возненавидеть.

В комнате пахло кислым потом, страхом и лихорадочным теплом. Айрис сидела на полу, забившись в угол между шкафом и заблокированным окном. Услышав шаги, она резко вскинула голову. Её взгляд был диким, блуждающим. В её глазах отражался не я, а какой-то очередной монстр из её химического кошмара.

— Уходи, уходи, Ричард... — прохрипела она, прижимая колени к груди, — Ты ничего не получишь. Мамины вещи, они мои.

Я поставил поднос на привинченный к полу стол и подошел к ней. Моя тень упала на её лицо, полностью перекрывая слабый дневной свет, пробивавшийся сквозь сосновые ветви.

— Я не Ричард, Айрис, — произнес я. Мой голос звучал ровно, ледяным метрономом, разбивающим её слуховые галлюцинации, — Посмотри на меня. Живо.

Она вздрогнула, словно от удара бичом. Мой голос заставил её зрачки сузиться, возвращая крупницу осознанности. Она с трудом сфокусировалась на моем лице, переводя дыхание рваными, болезненными глотками.

— Джейс, — выдохнула она, и в этом звуке смешались первобытный ужас и странное облегчение. Для нее я был палачом, но я был реален. Я был осязаем в отличие от призраков Гринвуда.

— Встань, — приказал я.

Она попыталась опереться о стену, но её руки задрожали, колени подогнулись, и она с глухим стуком повалилась обратно на паркет, тяжело дыша.

— Я не могу, — прошептала она, и по её искусанной щеке покатилась одинокая слеза, — Пожалуйста... дайте мне таблетку. Одну. У доктора Корна были розовые. Пожалуйста. Голова, она сейчас взорвется.

Я наклонился, сокращая расстояние между нами. От нее исходил жар, как от растопленной печи.

— Таблеток больше нет, Айрис. Я вылил их в слив, помнишь? Теперь твоё лекарство это дисциплина. Хочешь пить?

Ее взгляд инстинктивно метнулся к стакану воды на столе. Пересохшие, потрескавшиеся губы судорожно сжались. Она кивнула.

— Тогда запоминай первое правило этого дома, — я выпрямился, глядя на нее сверху вниз, — Ты ничего не делаешь без моего разрешения. Ты не встаешь с постели, не притрагиваешься к еде и не открываешь рот, пока я не позволю. Повтори.

Она молчала, только шумно дышала, уставившись на мои начищенные туфли. Воспитанная в роскоши дочь Дэмиана Ханта, привыкшая, что мир вращается вокруг ее капризов, всё еще пыталась сохранить остатки гордости. Даже после полугода в психушке ее эго сопротивлялось.

— Повтори, Айрис. Или стакан останется полным, а ты продолжишь гнить в этом углу.

— Я ничего не делаю без вашего разрешения, — ее голос сорвался на хрип. Каждое слово давалось ей с явным физическим трудом, преодолевая внутреннее сопротивление.

— Хорошо. Теперь попроси воды. Правильно попроси.

Она сглотнула, ее горло судорожно дернулось.

— Пожалуйста, господин Уэст разрешите мне выпить воды.

Я подошел к столу, взял стакан и вернулся к ней. Присев на одно колено, я протянул стеклянную емкость. Она протянула обе руки, пальцы ходили ходуном, стакан застучал о ее зубы, когда она жадно, проливая капли на серую ткань рубашки, начала пить. Я держал стакан,

контролируя каждый глоток, не позволяя ей выпить всё сразу. Когда осталась половина, я резко отнял руку.

— Достаточно для первого раза. Остальное, когда научишься держать себя в руках.

Ее взгляд на секунду вспыхнул такой яростной, чистой ненавистью, что я почти улыбнулся. Отлично. Синдром отмены выжигал из нее покорность, обнажая настоящую Айрис Хант. Не ту испуганную овечку, которую она пыталась разыграть в первую ночь, а дочь своего отца, упрямую, опасную, способную на скрытый удар.

Я поднялся и направился к выходу.

— Отдыхай, заключенная, — бросил я через плечо, — Вечером я принесу ужин. Если заслужишь.

К полуночи шторм внутри нее достиг своего пика. Гул ветра за окном смешивался с ее приглушенными криками. Я сидел в кабинете, наблюдая за экраном. Она больше не лежала. Лихорадка выгнала ее с кровати, заставляя метаться по комнате, как пойманный в капкан зверь. Она искала выход, царапала деревянные панели стен, дергала заблокированную ручку окна, пока ногти не начали кровоточить.

Ее мозг окончательно потерял связь с реальностью. Ей казалось, что стены сжимаются, что комната заполняется дымом, иронично, учитывая историю моей семьи.

Я понял, что нужно вмешаться, когда она начала слишком сильно биться головой о дубовую дверь. Живой товар не должен портить свой фасад до того, как сделка будет закрыта.

Я вошел в комнату без подноса. В полумраке спальни горело только одно настенное бра, отбрасывая длинные, изломанные тени.

Айрис стояла посреди комнаты. Ее волосы были растрепаны, лицо покрывали пятна лихорадочного румянца, а дыхание было настолько частым, что казалось, ее легкие вот-вот разорвутся. Когда дверь открылась, она не сжалась, как обычно. Паника и токсины лишили ее остатков страха перед физическим превосходством. Она видела во мне не Джейса Уэста. Она видела саму смерть.

— Пожар, — прошептала она, отступая на шаг.

Ее глаза метались по комнате.

— Всё горит. Папа, где ты? Здесь дым, мне тяжело дышать.

— Здесь нет дыма, Айрис. Успокойся, — я сделал шаг вперед.

— Нет. Ты врешь. Вы все врете, — вдруг пронзительно закричала она. Это был крик сорвавшегося с цепи безумия, — Вы хотите сжечь меня. Как тогда.

В одно мгновение ее сковал чистый, дикий ужас. Инстинкт самосохранения сработал в искаженной реальности. Нужно бежать, любой ценой, сквозь пламя, сквозь врагов. Она резко

метнулась в сторону привинченного стола. На нем стояла тяжелая фарфоровая ваза, единственный декоративный элемент, который остался от прежнего интерьера этой комнаты.

Прежде чем я успел среагировать, Айрис схватила вазу обеими руками и с силой швырнула ее на пол. Фарфор разлетелся с оглушительным звонком, засыпав паркет белыми острыми осколками.

Она не остановилась. Рухнув на колени прямо на эти осколки, не обращая внимания на то, как фарфор режет ее кожу на ногах, она выхватила самый крупный, изломанный кусок с рваным, как бритва, краем.

— Назад, — взвизгнула она, поднимаясь на ноги.

Осколок в ее руке подрагивал, на белую керамику уже капала ее собственная кровь из порезанной ладони.

— Я не вернусь в подвал. Я не буду гореть.

— Положи осколок, Айрис, — я продолжал идти на нее, медленно, сокращая дистанцию.

Мое лицо оставалось непроницаемым, но внутри все струны натянулись до предела. Это было уже не изучение медицинского случая. Это была прямая угроза.

— Не подходи, — она сделала выпад.

Она была быстра. Безумие дает телу неестественную, взрывную скорость. Я ожидал, что она попытается ударить меня в грудь или лицо, и уже приготовил блок, но в последний момент ее траектория изменилась. Она попыталась прорваться мимо меня к открытой двери.

Ее рваное движение застало меня врасплох. Осколок фарфора прошел по касательной, но с пугающей точностью. Острый край с сухим, отчетливым звуком распорол ткань моего дорогого пиджака на правом предплечье, пробил белоснежную рубашку и глубоко вошел в плоть.

Я почувствовал резкую, обжигающую боль. Горячая кровь мгновенно толкнулась из раны, пропитывая рукав.

Айрис тяжело дышала, остановившись у самого порога, тяжело переводя взгляд с моей окровавленной руки на дверной проем. Она думала, что победила. Думала, что этот удар остановит меня, заставит отступить, согнуться от боли, как сгибались те жалкие ничтожества, с которыми она имела дело до сих пор.

Но вместо ярости, вместо желания задушить ее прямо здесь, я почувствовал нечто совершенно иное.

Внутри меня, где-то в самых темных, заблокированных глубинах сознания, крутанулся ржавый механизм. Горячая волна чистейшего, дикого азарта ударила в голову, заставив сердце забиться в глухом, мощном ритме. Эта девчонка, эта истощенная, полубезумная дочь Дэмиана

Ханта только что пустила мне кровь. Она не сломалась под химией, она не сдалась под моим давлением. Она огрызнулась. Как настоящий, дикий хищник, загнанный в угол.

На моих губах сама собой появилась жесткая, хищная усмешка.

— Опрометчиво, Айрис, — тихо произнес я.

Она успела сделать лишь один шаг к коридору, когда я настиг ее. Боль в раненой руке полностью растворилась в адреналиновом тумане. Моя левая рука мертвой хваткой вцепилась в ее плечо, разворачивая к себе. Она попыталась снова полоснуть меня осколком, но в этот раз я действовал жестко, без поправок на ее хрупкость.

Я перехватил ее тонкое запястье, сжал его так, что кости хрустнули, вынуждая ее разжать пальцы. Окровавленный фарфор с тихим стуком упал на пол.

Одним мощным, слитным движением я толкнул ее обратно вглубь комнаты. Она не удержалась, ее ноги подкосились, и она повалилась на паркет. Я навалился сверху, прижимая ее тело к полу своим весом, полностью блокируя любые попытки к сопротивлению.

Мое колено жестко зафиксировало ее бедра, левая ладонь намертво прижала ее пораненные руки над головой, а правая, та, с которой на ее серую рубашку крупными каплями валилась моя теплая, густая кровь, легла ей на горло. Не сжимая, но давая почувствовать каждый килограмм моей силы.

Айрис оказалась полностью распластана подо мной. Наше дыхание смешалось, рваное, горячее, злое.

— Пусти, пусти меня, монстр, — хрипела она, пытаясь вывернуться, но мое физическое превосходство было абсолютным.

Она была всего лишь хрупкой женщиной, истощенной лекарствами, против мужчины, который превратил свое тело в идеальное оружие.

— Смотри на меня, — прорычал я ей прямо в губы, — Смотри, что ты сделала.

Ее дикий, панический взгляд наконец сфокусировался. Она увидела мою окровавленную руку, увидела капли своей и моей крови, смешавшиеся на ее груди. И, главное, она увидела мое лицо. В нем не было привычного льда. В нем горело что-то пугающее, первобытное, извращенное.

Я наклонился еще ближе, так что кончик моего носа коснулся ее виска. Я чувствовал, как бешено колотится жилка на ее шее под моими пальцами. Каждое ее движение, каждый судорожный вдох отзывался в моем теле электрическим разрядом. Это была не жалость, не похоть в ее примитивном понимании. Это был экстаз абсолютного доминирования над врагом, который посмел сопротивляться.

— Твой отец сжег мою жизнь, Айрис, — прошептал я, и мой голос вибрировал от сдерживаемого напряжения, — А ты только что скрепила наш контракт этой кровью. Ты думала,

я убью тебя за это? Нет. Ты слишком ценная игрушка. Теперь ты будешь платить мне каждый день. Своим страхом. Своим подчинением. Всем своим существом.

Между нами, в этом грязном, кровавом полумраке, среди осколков разбитого фарфора, вспыхнула извращенная, яростная искра. Это была искра взаимной ненависти, смешанной с пугающим, непреодолимым физическим притяжением двух сломанных душ. Она смотрела на меня, и в ее глазах паника медленно уступала место глубокому, шоковому осознанию. Она связана со мной намертво. И этот ад только начинается.

Я медленно ослабил хватку на ее горле, но не поднялся, продолжая удерживать ее под собой, наслаждаясь ее бессильной, дрожащей яростью.

— Твое время вышло, Айрис, — тихо закончил я, глядя в ее темные, бездонные глаза, — Добро пожаловать в реальный мир.

Я не сдвинулся ни на сантиметр, пока не убедился, что ее сопротивление окончательно выгорело, оставив после себя лишь тяжелую, изнурительную дрожь. Айрис затихла, но ее взгляд продолжал впиваться в меня. В нем больше не было той стеклянной пустоты, с которой она бредила. Острая боль от порезов и животный страх перед удушьем сотворили то, чего не могли добиться никакие лекарства. Они вернули ее сознание в настоящий момент. Ко мне.

Моя кровь, смешиваясь с ее потом и каплями на рубашке, казалась неестественно горячей на ее бледной коже.

— Маркус, — не оборачиваясь, негромко позвал я.

Шаги за дверью раздались мгновенно. Мой безопасник замер на пороге, оценивая картину. Я чувствовал, как Айрис под моим весом едва заметно сжалась, когда увидела еще одну фигуру, но я жестко зафиксировал ее запястья, не давая шевельнуться.

— Уберите осколки, — приказал я, по-прежнему глядя только на нее, — И принесите аптечку.

— Понял, Джейс.

Маркус действовал как автомат, быстро, без лишних вопросов и без тени эмоций. Шуршание фарфоровых обломков по паркету звучало в тишине комнаты как сухой скрежет зубов. Айрис проводила его движения диким взглядом загнанного зверька, а затем снова перевела глаза на меня.

— Ты чудовище, — ее голос был едва различимым шепотом, сорванным из-за сухости в горле и моей ладони, которая все еще тяжело покоилась на ее ключицах.

— Я реальность, Айрис, — я медленно перенес вес тела и поднялся на ноги, но тут же перехватил ее за локоть, заставляя сесть.

Без моей поддержки ее тело тут же качнуло в сторону, она опёрлась ладонью о пол, тяжело дыша.

— Твой отец создал для тебя хрустальный купол на чужих костях. Я просто разбил его. Привыкай к звуку бьющегося стекла.

Маркус вернулся через минуту, поставил на стол металлический кейс аптечки и так же молча исчез, закрыв за собой тяжелую дверь. Засов снова щелкнул. Этот звук отозвался в теле Айрис судорожным вздохом.

Я сел на край привинченного стола, прямо напротив нее. Правый рукав моего пиджака был полностью испорчен, ткань пропиталась багровым. Сняв пиджак, я небрежно бросил его на пол. Белая рубашка на предплечье была разорвана, обнажая рваную рану. Кровь продолжала лениво течь, пачкая пальцы.

Айрис сидела на полу, подтянув колени к груди. Ее лихорадило с новой силой, синдром отмены не отступил, он лишь временно затаился под воздействием всплеска адреналина. Теперь, когда первый шок прошел, ее зубы начали мелко стучать, а порезанные осколками ноги оставляли на паркете слабые мазки. Она смотрела на мою рану с какой-то извращенной, болезненной завороченностью.

— Больно? — вдруг спросила она.

В ее голосе проскользнула странная, почти детская интонация, смешанная с лихорадочным бредом.

— Физическая боль это просто электрический сигнал в мозг, — я открыл аптечку, достал антисептик и чистые бинты, — Ей можно управлять. Как и страхом. Но тебя этому не учили. Тебя учили глотать розовые капсулы, как только мир вокруг становился чуть менее комфортным.

Я плеснул антисептик прямо на рану. Мышцы предплечья судорожно дернулись, но мое лицо не изменило выражения. Я привык к гораздо более серьезным повреждениям.

Айрис зажмурилась, словно это ей наживую выжигали плоть. Она обхватила голову руками, пряча лицо в коленях.

— Хватит говорить обо мне так, будто вы меня знаете. Вы ничего не знаете. Ричард, он сказал, что у меня паранойя. Что я все придумала. Что пожара не было.

— Он лживый подонок, который продал тебя мне за списание своих карточных долгов и долю в строительном тендере, — отрезал я, туго забинтовывая руку зубами и левой ладонью, — Он использовал твою нестабильность, чтобы прибрать к рукам остатки активов твоего отца. Но в одном он был прав, ты больна. Только твоя болезнь называется не паранойей, а слепотой.

Я поднялся, подошел к ней и, схватив за шиворот мокрой рубашки, безжалостно рванул вверх, заставляя подняться на ноги. Она вскрикнула от неожиданности, ее раненые ступни коснулись пола, и она едва не рухнула, но я удержал ее за талию, прижимая к своему боку.

— Отпустите, мне холодно, пожалуйста, мне холодно, — ее начало крупно трясти, лоб покрылся ледяной испариной, а зрачки снова начали расширяться, теряя фокус. Вторая волна галлюцинаций накатывала с головой.

— Ты пойдешь в ванную, Хант, — я потащил ее к смежной двери, игнорируя ее слабое, вялое сопротивление, — Я отмою тебя от этой клиники, от твоих иллюзий и от своей крови.

В ванной комнате было светло и стерильно. Я включил ледяную воду в раковине, взял махровое полотенце и, удерживая Айрис за затылок, заставил ее посмотреть в зеркало над раковиной.

— Смотри, — приказал я, — Это ты. Без фильтров доктора Корна. Без опеки отца. Посмотри, во что они тебя превратили.

Из зеркала на нас смотрело привидение. Ввалившиеся щеки, безумный блеск огромных глаз, искусанные, синие губы. Рядом с ней я выглядел как палач, пришедший за ее душой.

Она всхлипнула, попыталась отвернуться, но мои пальцы в ее волосах сжались крепче.

— Нет это не я, это не могу быть я.

— Это ты, Айрис. И ты пройдешь эту ломку до конца. Каждую секунду. Каждую судорогу.

Я намочил полотенце ледяной водой и безжалостно прижал к ее лицу, стирая следы пота, грязи и лихорадочного румянца. Она дернулась, задышавшись от холода, ее руки вцепились в мои запястья, пытаясь оттолкнуть, но этот жест был уже не агрессией хищника, а мольбой о пощаде.

Когда я убрал полотенце, ее дыхание немного выровнялось. Ледяная вода сбивала пик жара, вернув ей остатки связности мышления.

— За что? — прошептала она, глядя на мое отражение в зеркале.

Ее пальцы все еще судорожно сжимали рукав моей порванной рубашки.

— Если мой отец виноват почему я? Почему я должна платить?

Я наклонился к ее уху, чувствуя, как ее тело снова начинает бить крупная дрожь, теперь уже от холода и истощения.

— Потому что ты всё, что от него осталось, Айрис, — тихо, почти ласково произнес я, — Он сжег мою семью дотла. Он отнял у меня право на нормальную жизнь. И справедливость заключается в том, что его любимая дочь вернет мне этот долг. До последнего цента. До последнего вздоха.

Я развернул ее к себе, подхватил под бедра и, несмотря на раненую руку, перенес обратно в спальню, швырнув на кровать. Она упала на простыни, как тряпичная кукла, мгновенно свернувшись калачиком и подтянув раненые ноги к животу. Ее силы были полностью исчерпаны. Организм, перенесший колоссальный стресс, требовал отключения.

Я подошел к шкафу, достал чистое, сухое одеяло и набросил на нее сверху, полностью скрывая ее хрупкую фигуру.

— Спать, Айрис, — сказал я, останавливаясь у изножья кровати, — Завтра начнется твое обучение. И если ты снова посмеешь взять в руки что-то острее ложки, я сделаю так, что условия в Гринвуде покажутся тебе раем.

Она ничего не ответила. Ее веки тяжело закрылись, дыхание стало глубоким и неровным, она проваливалась в тяжелый, безбилетный сон, где ее ждали новые призраки отмены.

Я повернулся и пошел к выходу. Моя раненая рука пульсировала тупой, ритмичной болью, но этот дикий, первобытный азарт, вспыхнувший во мне во время ее нападения, все еще слабо тлел в груди. Девчонка оказалась куда интереснее, чем я думал.

Щелкнул замок. Я вышел в темный коридор, зная, что эта ночь изменила все правила нашей игры.

Глава 5.

Джейс

Утро пятого дня началось со звонка Маркуса. Кровь в моих жилах после вчерашнего инцидента словно двигалась быстрее, а рана на предплечье, стянутая плотными медицинскими скобами, тупо и ритмично пульсировала под свежей повязкой. Это была хорошая боль.

— Она пришла в себя, Джейс, — доложил Маркус по селектору, — Лихорадка спала около четырех утра. Сейчас показатели в норме. Организм полностью очистился от токсинов. Она сидит на постели. Не мечется. Не кричит.

— Изменения в поведении? — спросил я, застегивая запонку на левом манжете. Правый рукав пришлось слегка ослабить из-за бинтов.

— Она больше не выглядит испуганной. Скорее затаившейся. В ней проснулась порода. Та самая, спесивая гордость Дэмиана Ханта, когда он смотрел на рабочих своих заводов сверху вниз.

Я усмехнулся, глядя на свое отражение в зеркале. Гордость. Самый ценный материал для того, чтобы разбить его на мелкие осколки. Гордость Айрис Хант держалась на иллюзиях о благородстве ее семьи. Значит, пришло время ударить туда, где броня тоньше всего. По ее святыням.

Час спустя я спустился в подземный архив особняка. Среди сотен папок, содержащих компромат на строительные компании города и финансовые отчеты, лежал небольшой кожаный коробок с личными вещами семьи Хант, которые мои люди изъяли из их загородного дома до того, как банк пустил имущество с молотка. Там были фотографии. На одной из них, датированной девятнадцатым годом, стояла Дейзи Хант, мать Айрис. Женщина с такой же хрупкой линией плеч и ледяным, аристократическим разрезом глаз. На ней было закрытое платье из тяжелого темно-изумрудного шелка с высокой горловиной и характерным асимметричным вырезом на левой ключице. Фасон, который шился на заказ у французского кутюрье. Любимый образ покойной миссис Хант, в котором она блистала на благотворительных вечерах, пока ее муж поджигал чужие судьбы.

Я вытащил снимок и передал его Маркусу.

— Найди точно такое же. У тебя есть шесть часов. Ткань, цвет, крой, всё должно совпадать до последнего стежка. К семи вечера платье должно лежать в ее комнате.

— Она поймет намек? — спросил Маркус, принимая фото.

— Она не просто поймет. Это сломает ее внутренний стержень быстрее, чем любая физическая пытка.

В 19:15 я сидел во главе длинного обеденного стола в малой столовой. Горели только свечи, отбрасывая длинные тени на дубовые панели стен. Напротив меня стояли два прибора. Тяжелое серебро, тонкий фарфор, всё то, к чему Айрис Хант привыкла с детства. Но в этом доме роскошь служила лишь декорацией к казни.

Дверь открылась, и Маркус пропустил ее вперед.

Она вошла медленно, высоко подняв голову. Изумрудный шелк мягко шуршал при каждом шаге, идеально облекая ее похудевшую, но теперь прямую фигуру. Темные волосы были аккуратно собраны на затылке, открывая ту самую асимметричную линию ключицы. Но на ее ногах не было туфель, она шла босиком, и порезы, оставшиеся от вчерашних осколков вазы, были скрыты длинным подолом, хотя я знал, что каждый шаг дается ей через силу.

Ее лицо было бледным, но взгляд. Взгляд Айрис Хант изменился. Из него исчез туман нейролептиков, исчез безумный страх. Теперь в нем горела холодная, звенящая гордость оскорбленной до глубины души женщины.

Она остановилась у противоположного конца стола, не садясь. Ее пальцы слегка сжали спинку стула, но она тут же отдернула их, словно прикосновение к моей мебели было осквернением.

— Садись, Айрис, — негромко произнес я, разрезая сочный кусок прожаренного мяса на своей тарелке, — Мы празднуем твое выздоровление.

— Это мерзко, — ее голос прозвучал удивительно ровно, без единой дрожащей ноты. В нем звенела сталь, — Вы нашли это фото в вещах моей матери. Вы заставили меня надеть копию ее любимого платья. Вы думаете, что это сделает меня покорной? Что я испугаюсь этого маскарада?

Я отложил нож и вилку, оперся подбородком на сцепленные пальцы и посмотрел на нее.

— Твоя мать была соучастницей, Айрис. Она носила бриллианты, купленные на деньги, которые мой отец должен был выплатить рабочим после пожара. Этот шелк пахнет гарью и пеплом, даже если твои дорогие духи пытаются это скрыть. Садись и ешь. Это не просьба.

Айрис сделала шаг вперед. Свет свечи выхватил ее лицо, ее губы были плотно сжаты, а в глазах стояли слезы ярости, которые она прямо отказывалась проливать.

— Я не сяду за один стол с чудовищем, — отчетливо произнесла она, — И я не прикоснусь к вашей еде.

— Ты забываешь правила этого дома, Хант. Ты делаешь только то, что я разрешаю. И сейчас я разрешаю тебе сесть.

Вместо ответа она резко протянула руку, схватила стоявшую перед ней фарфоровую тарелку с горячим ужином и со всей силы швырнула ее в стену за моей спиной. Фарфор с глухим треском разлетелся на куски, соус и куски мяса поползли по дорогим обоям, оставляя сальные следы.

Маркус, стоявший у двери, инстинктивно дернулся вперед, но я поднял левую руку, останавливая его.

Айрис тяжело дышала, ее грудь бурно вздымалась под изумрудным шелком. Она не отступила ни на шаг. Напротив, она подалась вперед, опираясь ладонями о край стола, и посмотрела мне прямо в глаза с такой концентрированной ненавистью, от которой у любого другого человека перехватило бы дыхание.

— Вы трус, Джейс Уэст, — выплюнула она мне прямо в лицо. Каждое слово было как пощечина, — Обыкновенный, жалкий трус. Вы не можете вернуть свое прошлое, вы не смогли отомстить моему отцу, пока он был жив, и теперь вы воюете с запертой девчонкой. Вы держите меня на цепи, морите голодом, лишаете лекарств и думаете, что вы сильный? Вы ничтожество, прячущееся за своими замками и наемниками.

В столовой повисла мертвая, звенящая тишина. Слышно было только, как капли соуса медленно падают со стены на плинтус.

Внутри меня что-то оборвалось. Мое хваленое самообладание, мой ледяной расчет, который я выстраивал годами, всё это испарилось в одну секунду, сожженное ее дерзостью. Никто и никогда не смел называть меня трусом. Никто не смел смотреть на меня так, словно я был грязью под ее босыми ногами.

Я поднялся со стула так резко, что он с грохотом отлетел назад.

Айрис успела лишь испуганно выдохнуть, когда я в три широких шага обогнул стол. Она попыталась броситься наутек, к выходу, но я перехватил ее на полпути. Мои пальцы мертвой хваткой вцепились в ее плечо, ткань изумрудного платья жалобно треснула под моим нажимом. Я рванул ее на себя и с силой прижал спиной к стене, прямо возле разбитой тарелки.

Она ударилась лопатками о твердую поверхность, из ее груди вырвался глухой стон. Но я не дал ей опомниться. Я навалился на нее всем своим весом, полностью лишая ее пространства, блокируя любую возможность дышать или двигаться. Мое тело прижимало ее к стене от бедер до груди.

— Пусти, — закричала она, пытаясь ударить меня свободными руками, но я действовал на инстинктах.

Перехватив обе ее тонкие руки за запястья, я одним жестким, резким движением взметнул их вверх, над ее головой, и намертво прижал к стене своей левой рукой. Бинты на моем

правом предплечье натянулись, рана отозвалась острой, стреляющей болью, но это лишь добавило мне ярости.

Между нашими лицами оставались считанные сантиметры. Я чувствовал, как бешено и часто бьется ее сердце о мою грудную клетку. Ее дыхание обжигало мою шею. В ее глазах гордость снова начала смешиваться с первобытным ужасом, но в этот раз ужас был другим. Это был страх женщины перед мужчиной, который полностью контролирует ее тело.

— Повтори, — прорычал я, и мой голос упал до опасного, вибрирующего шепота.

Я сильнее вдавил ее запястья в стену, заставляя ее вытянуться в струну.

— Повтори то, что ты сейчас сказала, Айрис. Ну же. Где твоя смелость?

Она попыталась отвернуться, спрятать лицо, но я не позволил. Моя правая рука поднялась, и я жестко, до боли сжал ее челюсть пальцами, фиксируя ее голову. Мои пальцы надавили на скулы так сильно, что ее губы невольно приоткрылись. Ей стало трудно дышать, она могла делать лишь короткие, судорожные глотки воздуха.

— Ты думаешь, лечебница была адом, Айрис? — каждый мой слог бил ей прямо в лицо, — Нет. Гринвуд был курортом. Ад это когда я решу, что ты мне надоела. Когда я перестану сдерживаться. А пока ты будешь делать то, что я скажу. Каждую. Секунду. Ты будешь носить то, что я прикажу, ты будешь есть то, что я принесу, и ты будешь дышать только тогда, когда я позволю.

Между нами вспыхнуло то самое, вчерашнее, электрическое притяжение, но сейчас оно стало почти осязаемым, удушающим. Это был тактильный террор. Я не бил ее, но близость моих губ к ее губам, жесткое давление моего тела, тепло моей кожи, всё это разрушало ее ментальную защиту быстрее любых слов.

Я медленно, почти омерзительно нежно провел большим пальцем правой руки по контуру ее приоткрытых, дрожащих губ. Мой палец скользил по нежной коже, стирая невидимые капли, пока она задыхалась под моим напором. Это прикосновение было извращенным контрастом к той физической силе, с которой я удерживал ее руки над головой. Палец спустился ниже, очертил линию ее подбородка и остановился на пульсирующей жилке на шее. Она задрожала под моими пальцами, как пойманная птица.

— Ты моя собственность, Хант, — прошептал я ей прямо в губы, чувствуя, как ее ресницы дрожат, касаясь моих щек, — И твоя гордость принадлежит мне. Я сожру ее кусочек за кусочком.

Она ничего не могла ответить, только смотрела на меня огромными, полными слез и шока глазами. В этом взгляде больше не было обвинений в трусости. Она наконец поняла, с кем имеет дело.

Я резко разжал пальцы и отступил на шаг.

Лишившись моей поддержки, Айрис не удержалась на ногах. Ее колени подогнулись, и она с глухим звуком осела на пол, прямо посреди разбросанных осколков фарфора и остатков

еды. Ее изумрудный шелк испачкался в соусе, волосы растрепались, руки судорожно прижались к груди, пытаясь защитить пространство, которое я только что так бесцеремонно нарушил. Она тяжело, со свистом дышала, уставившись в пол, и ее плечи мелко подрагивали.

Интим не произошло. Я не переступил ту грань, за которой начинается обычное насилие, но то, что случилось между нами, было гораздо хуже. Наши тела запомнили этот контакт. Моя кожа до сих пор горела там, где она соприкасалась с ее телом, а воздух в комнате казался наэлектризованным до предела.

Я повернулся к Маркусу, который все это время стоял неподвижно, как статуя.

— Уберите этот свинарник, — ледяным тоном приказал я, — А ее закройте в комнате. Без ужина. Раз она не умеет ценить гостеприимство, пусть посидит на воде.

Я развернулся и быстрыми, резкими шагами вышел из столовой, не оглядываясь.

Вернувшись в свой кабинет, я с силой захлопнул дверь и подошел к окну, уперевшись ладонями в подоконник.

Мое дыхание было сбито. Сердце колотилось в груди так, словно я только что пробежал марафон или вышел из тяжелого ножевого боя. Пальцы правой руки, они до сих пор горели. Я чувствовал на них мягкость ее губ, тепло ее кожи и ту судорожную пульсацию ее вен под моим нажимом.

Я посмотрел на свои руки. Они слегка подрагивали. Не от страха. От избытка адреналина и чего-то еще, чему я не мог и не хотел давать название.

Эта девчонка, она ломала мои алгоритмы. Мой план мести был идеальным, математически просчитанным. Но каждый раз, когда я приближался к ней, этот план летел к чертям, уступая место первобытным, неконтролируемым эмоциям. Она будила во мне зверя, которого я хоронил десять лет.

Я сжал кулаки так, что костяшки побелели, а скобы на предплечье снова напомнили о себе резкой болью.

— Она яд, — отчетливо подумал я, глядя на темные кроны сосен за стеклом, — Опасный, медленный яд, который проникает под кожу через порезы, через взгляды, через эти извращенные прикосновения. И если я не верну себе абсолютный, холодный контроль над собственным разумом, этот яд убьет меня раньше, чем я успею уничтожить наследие Ханта.

На следующее утро я заставил себя вернуться к привычной рутине, стремясь вытравить из мыслей любые воспоминания о вчерашнем вечере. Документы, графики, звонки юристам, всё должно было идти по плану. Но тишина, исходившая из комнаты на втором этаже, казалась слишком плотной, почти осязаемой. Айрис Хант больше не бунтовала, не кричала и не звала на помощь. Она замолчала.

К полудню я поймал себя на том, что слишком долго изучаю один и тот же лист финансового отчета. Злость на самого себя обожгла изнутри. Я поднялся, резким движением застегнул

пиджак и направился к ее комнате. Мне нужно было убедиться, что вчерашний урок усвоен. Что она сломлена.

Когда тяжелый засов щелкнул, и я переступил порог, комната встретила меня идеальным, мертвым порядком. Осколки вазы давно убрали, ковер был вычищен, а изумрудное шелковое платье, ставшее причиной вчерашней вспышки, аккуратным, почти издевательским узлом лежало на стуле у двери.

Айрис сидела на постели, прижав колени к груди. На ней снова была простая, серая больничная рубашка, ее личный манифест, ее отказ принимать мои правила игры. Она выглядела бледной, изможденной голодом и бессонницей, но в ее позе больше не было той жалкой покорности, которую я видел в клинике. Когда я вошел, она даже не вздрогнула. Ее глаза, обрамленные темными кругами, медленно поднялись и встретились с моими.

В этом взгляде не было страха. Там была глухая, ледяная автономия человека, который принял свое положение, но отказался сдаться внутренне.

— Ты не прикоснулась к воде, которую тебе принесли утром, — сказал я, останавливаясь в нескольких шагах от кровати. Я держал руки за спиной, не желая, чтобы она видела свежие повязки на моем предплечье.

— Вы сказали, что я должна просить разрешения на каждый вздох, — ее голос прозвучал тихо, но удивительно отчетливо, — Я решила сэкономить ваше время. Если для того, чтобы выжить здесь, мне нужно ползать перед вами на коленях, я лучше посмотрю, как быстро ваше идеальное оружие превратится в труп из-за истощения живого товара. Вам ведь нужны мои подписи, верно?

Она попала в точку. Тонко, расчетливо, прямо по моему уязвимому месту. Она поняла, что ее жизнь это моя разменная монета в войне против наследия ее отца.

Я сделал шаг вперед, и тень от моей фигуры снова накрыла ее, но в этот раз Айрис не сжалась. Она лишь сильнее выпрямила спину, глядя на меня снизу вверх с тем самым выражением, которое я так ненавидел в ее отце, выражением абсолютного, врожденного превосходства.

— Ты думаешь, что разгадала мою стратегию, Айрис? — я наклонился, упираясь ладонью в матрас рядом с ее бедром.

Мое лицо оказалось в опасной близости от ее лица, и я снова почувствовал этот едва уловимый, электрический ток, который вчера едва не лишил меня рассудка.

— Думаешь, смерть от голода это твой выход? Я могу ввести тебе глюкозу внутривенно. Могу привязать тебя к этой кровати и держать на искусственном вскармливании месяцами. Твое тело будет функционировать, рука будет держать ручку, а вот твоя гордость, от нее не останется даже пепла.

Ее губы дрогнули. Всего на секунду, но я заметил эту крупницу страха, которую она попыталась скрыть за частым дыханием. Моя близость по-прежнему действовала на нее ошеломляюще.

— Зачем вы это делаете? — вдруг спросила она, и в ее голосе вместо злости прозвучала глубокая, искренняя усталость, — Если мой отец действительно виноват перед вами, почему вы не пошли в суд? Зачем этот театр? Зачем ломать меня?

— Суд? — я изрыгнул короткий, циничный смешок, — Суд покупается и продается. Твой отец купил судей, полицию и экспертов. Он стер мою семью из истории, словно нас никогда не существовало. Справедливость не рождается в залах заседаний, Айрис. Она создается руками тех, кого лишили всего. Я не просто заберу твои деньги. Я заберу у тебя ту иллюзию праведности, в которой ты жила всю свою жизнь.

Я выпрямился, разрывая эту удушающую близость, от которой мои пальцы снова начали требовать тактильного контакта.

— Маркус, — позвал я.

Дверь открылась мгновенно.

— Принеси обед. И если мисс Хант откажется есть сама, подготовь фиксаторы для медицинского стола. Мы начнем принудительное кормление прямо сейчас.

Айрис перевела взгляд с меня на Маркуса, а затем обратно. Ее пальцы судорожно сжали одеяло. Она поняла, что я не блефую. Для меня не было барьеров, если речь шла о достижении цели.

— Не надо, — выдохнула она, прежде чем Маркус успел выйти, — Я буду есть.

— С разрешения, Айрис. Помни о правилах.

Она сглотнула, ее изящная шея дернулась, а на щеках выступили пунцовые пятна унижения.

— Разрешите мне поесть, господин Уэст.

— Разрешаю, — ответил я, чувствуя, как внутри разливается холодное, триумфальное удовлетворение, смешанное с опасным, тягучим чувством власти над этой женщиной, — Маркус, неси поднос. И оставь нас. Сегодня я лично прослежу, чтобы наша гостья восстановила силы.

Я сел в кресло напротив кровати, скрестив ноги и наблюдая, как Айрис Хант медленно, с трудом преодолевая внутреннее сопротивление, делает свой первый шаг к полному, безоговорочному подчинению. Наша дуэль продолжалась, но теперь я точно знал, что этот яд проник не только в мои вены. Он медленно отравлял и ее.

Глава 6.

Джейс

Слабость имеет запах. Это запах дешевого парфюма, пота, страха и той удушающей, липкой близости, которую я допустил вчера в столовой.

Всю ночь я не спал. Я мерил шагами свой кабинет, и каждый шаг отзывался в ушах глухими ударами похоронного колокола. Моя правая рука, стянутая медицинскими скобами, горела, но эта боль больше не приносила очищения. Она напоминала о позоре. О том, как я, человек, который десять лет выстраивал безупречную архитектуру своего возмездия стоял, прижав дочь Дэмиана Ханта к стене, и дышал с ней одним воздухом. О том, как мой палец очерчивал контур ее губ.

Это было предательством. Самым настоящим, грязным предательством памяти моих родителей.

Перед глазами стояло лицо отца. Я помнил сырость подвала, в котором мы с матерью прятались, пока Хант делил наши заводы с продажными чиновниками. Отец погиб, чтобы я стал его карающим мечом. Не мужчиной, который исходит похотливым азартом от близости к дочери врага, а палачом. Холодным. Бесстрастным. Неотвратимым.

Вчерашнее минутное помутнение было системным сбоем. Вирусом, который проник под мою кожу вместе с каплями ее крови. И этот вирус нужно было выжечь. Лоботомией, радиацией, абсолютным презрением, мне было плевать на методы, главным был результат. Чтобы доказать самому себе, что Айрис Хант для меня ничто, просто кусок биологического мусора, оставшийся от империи врага, я должен был уничтожить в ней даже намек на человеческое достоинство.

В шесть утра я вызвал Маркуса. Он вошел, как всегда, беззвучно, но я видел по его глазам, что он замечает перемену во мне. Мой голос звенел от той слепой, ледяной ярости, которую я больше не собирался сдерживать. Она требовала выхода, и я знал, на кого обрушу этот шторм.

— Усилить охрану периметра второго этажа, — отрывисто приказал я, не глядя на него, — Поставить двух человек у ее двери круглосуточно. Смена каждые четыре часа. Никаких разговоров. Никаких ответов на ее вопросы. Если она попросит воды, давать ровно столько, чтобы не наступило обезвоживание. Окно в ее комнате заколотить снаружи глухими щитами. Свет включать только по моему приказу.

— Джейс, — Маркус чуть нахмурился, — Полная изоляция в темноте может спровоцировать повторный психоз. Без препаратов ее мозг.

— Мне плевать на ее мозг, Маркус, — я резко развернулся, и мой кулак с глухим стуком опустился на дубовый стол. Скобы на предплечье натянулись, но я даже не поморщился, — С этой секунды режим максимальной изоляции. Лишить ее всех привилегий. Блокнот, ручку, которые я оставил забрать. Постельное белье заменить на жесткий брезент. Она должна понять, где находится. Она не гостя. Она заключенная номер один.

Маркус коротко кивнул.

— И еще, — я остановил его у самой двери, — Зайди на склад. Принеси мне стандартную робу, которую мы покупаем для чернорабочих на дальних объектах. Серую, из грубой мешковины. Безразмерную.

— Будет сделано.

Когда дверь закрылась, я подошел к зеркалу. Из него на меня смотрел чужак. Глаза сузились, превратившись в две ледяные щели, челюсти были сжаты до скрежета зубов. Это был правильный вид. Тот самый, с которым нужно выходить на охоту. Вчерашняя искра, вспыхнувшая между нами, должна была сдохнуть в этой темноте. Я заставлю Айрис Хант ползать в грязи, чтобы самому очиститься от того липкого позора, который осквернил мои мысли.

В ее комнату я вошел без предупреждения. В руке я держал плотный сверток из грубой, колючей серой ткани.

В помещении уже царил полумрак, за окном рабочие как раз заканчивали прибивать тяжелые деревянные щиты, и последние лучи дневного света испуганно проскальзывали сквозь узкие щели. Комната погружалась в глухой, душный склеп.

Айрис сидела на краю постели. Услышав стук засова, она вскинула голову. На ее лице на долю секунды промелькнуло ожидание, возможно, она думала, что увидит вчерашнего Джейса, ведомого диким азартом и опасным притяжением. Но то, что она увидела сегодня, заставило ее замереть.

В моих глазах не было и следа страсти. Никакого огня, никакой извращенной нежности. Только абсолютное, глухое, безразличное презрение. Я смотрел на нее так, словно передо мной лежала куча дорожной грязи, которую случайно занесло в мой чистый дом.

Я сделал два шага вперед и с силой швырнул серый сверток прямо ей в лицо. Грубая мешковина развернулась в воздухе и ударила ее по щеке, упав на колени.

— Снимай это, — мой голос был тихим, но в нем крылась такая тектоническая ярость, от которой воздух в комнате казался морозным, — Живо. Ты больше никогда не будешь выглядеть передо мной как человек.

Айрис опустила взгляд на серую тюремную робу, лежащую на ее коленях. Ткань была настолько жесткой, что колола пальцы даже сквозь ее рубашки.

— Что это? — спросила она, пытаясь придать голосу твердость, но я видел, как дрожат ее плечи.

— Это твоя новая кожа, Хант. Твой отец превратил мою жизнь в лагерную пыль. Ты повторишь этот путь.

— Я не стану это надевать, — она сбросила робу на пол, и ее подбородок упрямо вздернулся, — Вы не имеете права.

В ту же секунду я сократил расстояние. Моя левая рука железными тисками перехватила ее затылок, заставляя запрокинуть голову так, что ее шея натянулась до предела. Мои пальцы безжалостно впились в ее волосы, ломая аккуратную прическу.

— У тебя больше нет прав, ничтожество, — прошипел я ей прямо в лицо, — Ты думала, вчерашний вечер что-то изменил? Думала, ты нащупала мою слабость? Ты для меня пустое место. Грязь, которую я вытру об этот паркет, как только получу твои подписи.

Ее глаза расширились от шока. Она искала в моем взгляде хотя бы крупницу вчерашнего тепла или того безумного влечения, которое испугало ее в столовой, но там был только арктический лед. Я полностью стер любую близость. Я смотрел на нее как на неодушевленный предмет, как на деталь механизма, которую нужно подогнать под нужный размер.

— Если ты не наденешь эту робу через минуту сама, — я сжал ее волосы сильнее, заставляя ее пискнуть от боли, — Сюда войдут мои охранники. И они сорвут с тебя эту больничную тряпку. Им плевать на твою скромность, Айрис. Им плевать на то, чья ты дочь. Выбирай.

Я резко оттолкнул ее от себя. Она упала на брезентовую подушку, судорожно хватая ртом воздух и прижимая ладонь к пострадавшему затылку. По ее щеке наконец покатилась слеза сокрушительного бессилия. Ее гордость, которую она так бережно собирала по кусочкам после отмены препаратов, снова трещала по швам под моим ледяным прессом.

Я развернулся спиной, давая ей эту минуту, но не выходя из комнаты.

— У тебя сорок секунд, Хант, — бросил я, глядя на заколоченное окно, из щелей которого теперь пробивались лишь серые полосы полумрака, — Время пошло.

За моей спиной раздался шуршащий, надрывной звук, она стягивала через голову серую сорочку, избавляясь от последнего привычного лоскута ткани. Каждый этот звук был для меня маленькой победой, каплей кислоты, которая смывала мой собственный вчерашний позор.

Затем послышался тяжелый вздох и шорох грубой, колючей мешковины.

— Я все, — тихо, почти безжизненно произнесла она.

Я повернулся.

Перед прикроватным столиком стояло существо. На ней висела огромная, серая, бесформенная роба, которая скрывала все изгибы ее тела, делая ее похожей на бродяжку или узницу концентрационного лагеря. Грубый ворот натер ее нежную кожу на шее, оставив красные полосы. Длинные рукава полностью закрывали кисти, а подол волочился по полу, открывая лишь ее босые, изрезанные ступни.

Она стояла, опустив голову, и ее темные волосы падали на лицо, скрывая глаза.

— Идеально, — выплюнул я, и в моем голосе послышалось мерзкое, торжествующее удовлетворение, — Теперь ты выглядишь именно так, как заслуживаешь. Как дочь вора и поджигателя.

Я подошел к ней, взял за подбородок и заставил посмотреть на меня. Ее лицо было мокрым от слез, но в глубине ее зрачков, где-то на самом дне, затаилась такая глухая, страшная ненависть, от которой веяло могильным холодом.

Отлично. Пусть ненавидит. Ненависть это чистая, сухая эмоция. Она не оставляет места для похоти. Она держит на расстоянии лучше любого забора.

— Ты будешь сидеть здесь, в этой темноте, пока я не решу, что ты готова подписывать документы, — сказал я, отпуская ее лицо с таким видом, будто испачкал пальцы, — Никаких книг. Никаких прогулок. Только ты и твои воспоминания о том, как твой отец убивал мою семью.

Я развернулся и пошел к выходу. Мои шаги чеканили ровный, военный ритм по паркету.

— Джейс, — вдруг крикнула она мне в спину.

Это был не крик о помощи, это был сдавленный, яростный хрип.

— Вы можете забрать мою одежду. Можете заколотить окна. Можете держать меня в темноте. Но вы никогда, слышите, никогда не сотрете то, что произошло вчера. Вы испугались меня, Уэст. Вы испугались того, что вы обычный человек, который может чувствовать. И эта серая тряпка не поможет вам забыть, как горели ваши пальцы, когда вы трогали мои губы.

Я замер у самой двери. Каждое ее слово попало точно в цель, разрывая едва затянувшиеся швы на моей совести. Моя челюсть сжалась так, что в ушах зашумело. Моя слепая ярость, направленная на самого себя, едва не заставила меня вернуться и задушить ее прямо на этой брезентовой постели.

Но я переборол себя. Я не подарил ей этой фракции внимания.

Я вышел из комнаты, с силой захлопнул дубовую дверь и трижды повернул тяжелый засов. Металл скрежетал так громко, словно хоронил ее заживо.

Я шел по коридору, и мое дыхание было сбито, а пальцы правой руки, те самые, которыми я только что держал ее за подбородок, снова горели. Но в этот раз это был ожог от чистой, неразбавленной ненависти.

Она была права. Яд проник слишком глубоко. И эта серая роба действительно не могла стереть мою память. Но она могла стать моим щитом. Я превращу ее жизнь в такое пепелище, что у нее просто не останется сил напоминать мне о моей слабости.

— Маркус, — бросил я проходящему мимо помощнику, даже не останавливаясь, — Выключить свет на втором этаже. Полностью. Пусть сидит в абсолютной темноте.

Война перешла на новый уровень. И в этой войне я не собирался оставлять пленных.

Тьма, накрывшая крыло второго этажа, была осязаемой. Она просачивалась под двери кабинетов, заполняла пустые коридоры и душила любые звуки, кроме монотонного шага часовых у ее порога. Я сидел внизу, в полумраке гостиной, уставившись на пламя в камине. Огонь пожирал поленья со сухим, яростным треском, но его тепла мне не хватало. Внутри все еще циркулировала та самая арктическая стужа, которую я принес из ее камер.

На коленях лежал старый, потертый дневник моего отца. Я не открывал его несколько лет, знал каждую строчку наизусть. Но сегодня мои пальцы сами перелистывали пожелтевшие страницы, ища в них оправдание своей жестокости. Или защиту от ее слов.

Они отняли у нас все, Джейс, — писал отец дрожащей рукой за неделю до того, как затянуть узел, — Хант улыбался мне на прощание, зная, что завтра судебные приставы выкинут нас на улицу. Помни это. Никогда не верь их породе.

Я закрыл глаза. Да, я помнил. Но почему тогда ее хриплый, сорванный голос продолжал звучать в моей голове, перекрывая напутствие мертвеца?

Я резко поднялся, швырнув дневник на кожаный диван. Чушь. Дешевая психологическая уловка загнанной в угол суки. Она пытается манипулировать мной, пытается нащупать человечность там, где давно остался лишь холодный расчет. Она хочет, чтобы я сорвался на эмоции, потому что эмоции делают человека уязвимым. Но я не доставлю ей этого удовольствия.

— Джейс, — Маркус появился из тени коридора, его лицо в колеблющемся свете камина казалось высеченным из камня, — Охрана докладывает, что в комнате тихо. Она не пытается двигаться. Легла на пол прямо у двери.

— Пусть лежит, — отрезал я, проходя мимо него к бару. Налив в тяжелый стакан на два пальца виски, я выпил его залпом, даже не почувствовав вкуса алкоголя, — Ей полезно привыкать к жесткой поверхности.

— Есть еще кое-что, — Маркус замялся, что бывало крайне редко, — Из клиники Гринвуд пришел расширенный токсикологический отчет, который мы запрашивали через третьи руки. Ричард и доктор Корн кололи ей не просто седативные. Там был экспериментальный блокатор памяти короткого действия. Они постепенно стирали ее воспоминания о последних неделях перед ее госпитализацией. О тех днях, когда Хант подписывал финальные документы о передаче активов.

Я замер со стаканом в руке. Медленно повернулся к помощнику.

— Продолжай.

— Это значит, что она действительно может ничего не знать о деталях сделки и о том, как ее отец разорил твою семью, Джейс. Ее мозг не просто подавляли, его чистили. Она помнит отца как праведника, потому что всё остальное из нее выжгли химией.

В комнате повисла тяжелая, густая тишина. Пламя в камине сделало прощальный выпад и опало, оставив лишь тлеющие угли.

Моя челюсть сжалась с такой силой, что зубы заныли. Так вот почему она так отчаянно, так слепо защищала его память. Не из желания уколоть меня. Она просто защищала единственное незапятнанное воспоминание, которое у нее осталось после того, как ее предал отчим и собственный врач. Она жила в стерильном, искусственном мире, где ее отец был святым, потому что монстры из Гринвуда отобрали у нее право на правду.

Но эта новость ничего не меняла. Абсолютно ничего.

— Это ее проблемы, Маркус, — мой голос прозвучал тише обычного, но в нем отчетливо послышался скрежет металла, — Незнание закона не освобождает от ответственности. А незнание грехов своего отца не освобождает от необходимости платить по его счетам.

— Что прикажешь делать дальше?

Я посмотрел на свои пальцы, которые всё ещё хранили фантомное ощущение тепла ее кожи. Настоящий палач не должен сочувствовать жертве, даже если узнает, что та слепа от рождения. Он просто выполняет свою работу.

— Оставь ее в темноте до утра, — сказал я, поворачиваясь к окну, — Завтра я принесу ей документы. И если ее память стерта, что ж, я лично заполню эти пустоты. Строчка за строчкой. Изломом за изломом.

Я отослал Маркуса кивком головы и остался один. Вглядываясь в черное, непроницаемое стекло, за которым шумели сосны, я знал, что завтрашний день станет для Айрис моментом окончательного уничтожения. Или для меня моментом, когда я окончательно пойму, смогу ли я нажать на курок, если мишень окажется абсолютно беззащитной.

Глава 7.

Айрис

Темнота была не просто отсутствием света. Она была живой, склизкой массой, которая проникала в легкие с каждым вздохом, оседала на коже тяжелым слоем пыли и давила на барабанные перепонки оглушительным, звенящим безмолвием.

Я лежала на полу у самой двери, прижавшись щекой к холодному, покрытому лаком паркету. Жесткая роба, в которую меня заставил облачиться Джейс Уэст, колола тело, превращая каждое мимолетное движение в изощренную пытку. Грубый воротник уже натер шею до крови, и я чувствовала, как подсыхающие сукровицы стягивают кожу при каждом повороте головы. Но физическая боль была ничем по сравнению с тем ментальным удушьем, которое медленно, но верно заполняло комнату.

Гринвуд.

Этот призрак вернулся ко мне, как только за окном застучали молотки, прибывая глухие деревянные щиты. Мой разум, едва очистившийся от дурмана нейролептиков, мгновенно услужливо вытащил из глубин памяти воспоминания об изоляторе лечебницы. Там тоже не было окон. Там тоже был глухой полумрак, прерывающийся лишь белым светом ламп, когда санитары приходили делать вечерний коктейль из седативных препаратов. Мои пальцы инстинктивно сжались, царапая ногтями гладкое дерево пола. Сердце заколотилось в груди, как пойманная в силоч птица, а к горлу подступил липкий, горячий ком паники.

Они снова сделают это со мной. Они запрут меня в моей собственной голове, — закричал внутренний голос, увлекая меня в бездну привычного, парализующего страха.

Но в этот раз что-то внутри меня изменилось. Словно глубоко в груди, под слоем безумия и чужой лжи, щелкнул скрытый тумблер. Гордость, которую Джейс так яростно пытался выжечь из меня своим ледяным прессом, не погибла. Она трансформировалась. Страх заставивший мои колени дрожать, начал стремительно остывать, превращаясь в тяжелый, монолитный кусок антрацита. В чистую, неразбавленную ненависть.

Я не сойду с ума. Я не подарю ему эту победу.

Я медленно поднялась на колени, а затем встала во весь рост, нащупывая руками стену. Мои босые ступни наступили на что-то острое, но я даже не поморщилась. Настоящая боль была впереди, и мне нужно было к ней подготовиться.

Правила игры изменились. Если вчера в столовой, когда Джейс прижимал меня к стене и фиксировал мои руки над головой, в нем бушевал хаос, если его дыхание было сбито, а в глазах металась темная, опасная страсть, то сегодня этот человек исчез. На его место пришел безжалостный, безупречно отлаженный механизм. Созданный с одной целью, раздавить меня, стереть мою личность, превратить в покорный автомат, штампующий нужные ему подписи.

Я поняла это по его взгляду, когда он швырнул мне в лицо эту серую одежду. В его глазах больше не было огня. Там была глухая, арктическая стена. Он наказывал меня не за мою дерзость, он наказывал себя за секундную слабость, которую допустил, коснувшись моих губ. И вымещать эту слепую, расчетливую ярость он будет на мне. До тех пор, пока от Айрис Хант не останется лишь пустая оболочка.

Если я проявлю хотя бы каплю слабости, если заплачу, закричу или стану умолять о пощаде, этот механизм сработает без осечки. Он уничтожит меня. Значит, я должна стать такой же. Металлом против металла. Льдом против льда.

Часы тянулись бесконечно. В темноте время теряет свои очертания, превращаясь в вязкую смолу. Я мерила комнату шагами, ровно семь шагов от двери до заколоченного окна, семь шагов обратно. Я заставляла свой мозг работать, цепляясь за обрывки воспоминаний, которые еще оставались со мной. Я вспоминала лицо отца, его мягкую улыбку, его руки, пахнущие дорогим табаком и старой бумагой. Джейс Уэст называл его монстром, поджигателем и вором. Он утверждал, что мой отец уничтожил его семью.

— Это ложь, — упрямо повторяла я про себя, как мантру, хотя глубоко внутри, после слов Уэста о судах и купленных экспертах, уже зашевелился крошечный, ядовитый червь сомнения.

Но сейчас это было неважно. Даже если Дэмиан Хант был виновен, я не несу ответственность за его грехи. Я это я. И я выживу.

Около полудня, тяжелый засов на двери наконец заскрежетал.

Свет из коридора ударил по глазам, заставив меня зажмуриться до слез. Я не отступила назад. Я осталась стоять посреди комнаты, опустив руки вдоль тела, позволяя бесформенной серой робе свисать с моих плеч, как саван.

В комнату вошел Джейс.

На нем был безупречный темно-серый костюм, белоснежная рубашка, застегнутая на все пуговицы, и строгий галстук. Ни одной лишней складки. Ни одного намека на то, что этот человек провел бессонную ночь. Его лицо казалось гипсовой маской, лишенной каких-либо человеческих черт. За ним шел Маркус, несший в руках небольшой металлический поднос с глубокой миской и стаканом воды.

Джейс остановился в трех шагах от меня. Его ледяной, безразличный взгляд скользнул по моей растрепанной фигуре, задержался на окровавленном воротнике рубашки и поднялся к моим глазам.

— На колени, Айрис, — негромко, без единой эмоции произнес он.

Это было новое правило. Унизительное, растаптывающее остатки человеческого достоинства требование. Вчера я бы швырнула в него этой миской. Вчера я бы кричала о том, что он трус.

Сегодня я сделала глубокий, бесшумный вдох. Мое лицо оставалось каменным. Я медленно, сохраняя идеальную прямую линию спины, опустилась на жесткий паркет. Мои колени уперлись в дерево, грубая ткань рубашки натянулась. Я подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

Я караулила его взгляд. Я искала в этих серых, как грозовое небо, зрачках хотя бы отблеск вчерашнего помутнения, хотя бы тень сомнения или укола совести от того, что он заставляет женщину стоять перед ним на коленях. Но я наткнулась на глухую, непробиваемую стену. Он смотрел на меня так, словно я была деталью интерьера, которую временно опустили на уровень пола для удобства обслуживания.

— Поставь поднос, Маркус, — скомандовал Уэст, не отрывая от меня глаз.

Помощник аккуратно опустил металлический поднос на пол прямо передо мной. В миске была безвкусная, серая овсяная каша на воде. Без соли, без масла. Тюремный паек.

— Ешь, — приказал Джейс, — Руками. Ложки тебе не положены. Заключенным их не дают.

Я почувствовала, как внутри, где-то в районе солнечного сплетения, поднимается горячая, удушливая волна протеста. Пальцы судорожно сжались, готовые перевернуть эту миску, выплеснуть эту жижу на его дорогие дизайнерские туфли. Но я вовремя остановила себя. Это именно то, чего он ждет. Он ждет бунта, чтобы активировать свой карательный механизм, чтобы у него был повод объявить меня безумной и вернуть фиксаторы.

Я не дам ему этого повода.

С абсолютно спокойным, почти безжизненным лицом я протянула руку. Мои пальцы опустились в теплую, скользкую кашу. Я зачерпнула горсть и поднесла к губам. Еда была отвратительной, она застревала в горле, но я заставляла себя жевать и глотать. Мне нужны были силы. Каждая калория, полученная из этой грязной миски, должна была превратиться в мускулы, в энергию, в ресурс для моего будущего удара.

Джейс наблюдал за мной сверху вниз. Его правая рука, скрытая в рукаве пиджака, слегка дернулась, я заметила это по едва заметному движению плеча. Значит, повязка под одеждой все еще причиняет ему дискомфорт. Мой удар оставил след. Это была хорошая новость. Он не был богом. Он был всего лишь человеком из плоти и крови, которого можно ранить. Которого можно убить.

Я продолжала есть, не отрывая взгляда от его лица. Это была наша новая, безмолвная дуэль. Он пытался сломать меня моим унижением, а я демонстрировала ему, что это унижение не касается моей сути. Мое тело могло стоять на коленях, мои руки могли быть испачканы в каше, но мой разум оставался свободным и холодным, как лезвие бритвы.

Когда миска опустела, я взяла стакан и выпила воду до последней капли. Затем аккуратно поставила его обратно на поднос и вытерла испачканные пальцы о брезент робы.

— Я выполнила ваше приказание, господин Уэст, — произнесла я ровным, бесцветным голосом, в котором не было ни капли прежней дрожи, — Разрешите мне вернуться на постель?

На мгновение в глубине его глаз что-то дрогнуло. Какая-то тень удивления или легкого разочарования от того, что я не сломалась, не разрыдалась и не стала бросаться на стену. Но эта тень тут же исчезла, поглощенная ледяной маской.

— Разрешаю, — коротко бросил он, — Маркус, заberi посуду.

Помощник быстро поднял поднос. Джейс развернулся, чтобы уйти, но на пороге остановился. Он не обернулся ко мне лицом, я видела только его широкую, обтянутую дорогим сукном спину.

— Завтра утром ты начнешь изучать документы, Айрис. Надеюсь, твоя сегодняшняя покорность это признак благоразумия, а не очередной фокус. Если ты попытаешься испортить хотя бы один лист, темнота станет твоим постоянным домом.

— Я поняла вас, — ответила я его спине.

Дверь захлопнулась. Засов повернулся трижды, и комната снова погрузилась в абсолютную, непроглядную тьму.

Я поднялась с пола и медленно подошла к кровати. Опустившись на жесткий матрас, я вытянула ноги и уставилась в пустоту перед собой.

Страх больше не было. На его месте была огромная, ледяная, расчетливая пустота, которую я бережно заполняла планами. Инстинкт выживания, спавший во мне все те месяцы, пока меня пичкали таблетками в Гринвуде, теперь проснулся и требовал крови.

Джейс Уэст совершил одну, самую главную ошибку. Он оставил меня в живых. Он думал, что изоляция и унижение уничтожат мою волю, но они лишь убрали все лишнее, обнажив стальной сердечник. Он хотел превратить меня в оружие против наследия моего отца? Что ж, я стану оружием. Но это оружие выстрелит ему прямо в затылок.

Я найду способ сбежать из этого проклятого особняка. Я буду играть по его правилам, я буду подписывать любые бумаги, которые он принесет, я буду стоять на коленях столько, сколько потребуется, чтобы усыпить бдительность его механизма. Я заставлю его поверить, что Айрис Хант сломлена и превратилась в покорную рабыню.

А затем, когда он расслабится, когда он поверит в свою абсолютную победу и подойдет слишком близко, я убью его. Я найду нож, осколок стекла, кусок проволоки, мне плевать. Я всажу это ему в горло и буду смотреть, как его ледяные, серые глаза навсегда блекнут, а его безупречный контроль превращается в предсмертные судороги. Чего бы мне это ни стоило. Даже если это будет стоить мне моей собственной жизни.

Я легла на жесткую подушку и закрыла глаза. В темноте закрытые глаза не меняли ничего, но теперь перед моим внутренним взором стояла четкая, ясная картина. Джейс Уэст, захлебывающийся собственной кровью на этом самом паркете.

С этой мыслью я впервые за последние дни уснула. Спокойным, глубоким и совершенно безжалостным сном.

Проснулась я задолго до того, как в замке повернулся ключ. Время в темноте больше не расплзлось бесформенным пятном, я научилась мерить его ударами собственного пульса и шорохом шагов за дверью. Мой слух обострился до предела. Я знала, что утренняя смена охраны заступает в шесть, а ровно в восемь по коридору проносили тяжелый металлический термос, Маркус пил свой утренний кофе.

Когда засов наконец открылся, я уже стояла посреди комнаты. Прямая. Собранная. Ждущая.

Поток света из коридора снова ударил по отвыкшим глазам, но в этот раз я не зажмурилась. Я заставила себя смотреть прямо перед собой, сквозь набежавшие слезы, чтобы встретить врага лицом к лицу.

Джейс вошел один. В его руках была плотная кожаная папка, та самая, о которой он говорил вчера. На нем снова был безупречный, застегнутый на все пуговицы костюм, но я заметила, что он держит левую руку чуть ближе к корпусу, словно компенсируя скованность раненой правой.

Он остановился, оценивая мою позу. Я не ждала приказа. Медленно, сохраняя ледяное спокойствие на лице, я опустилась на колени прямо перед ним. Ткань серой робы натянулась на бедрах. Я запрокинула голову, подставляя подбородок под его взгляд.

— Ты быстро учишься, Айрис, — тихо произнес он. Его голос был ровным, как линия кардиограммы трупа. В нем не было вчерашней брезгливости, только холодный функционал.

— Вы сказали, что это моя новая кожа, — ответила я, глядя ему прямо в зрачки. Я искала. Я яростно, до боли в глазах караулила хоть малейшее мигание его контроля. Хоть каплю той ярости, которая выдала бы его внутреннюю борьбу.

Ничего. Лишь серое, мертвое стекло.

Джейс бросил папку на пол передо мной, прямо на лакированный паркет. Следом упала тяжелая чернильная ручка.

— Здесь три договора купли-продажи долей в портовом терминале и генеральная доверенность на управление оставшимися активами на имя Маркуса, — сказал он, закладывая руки за спину, — Подписывай. На каждой странице, в правом нижнем углу.

Я перевела взгляд на бумаги. Текст был мелким, юридически выверенным. Мой отец строил этот терминал пять лет. Это были легкие нашего семейного бизнеса, то, что кормило тысячи людей и обеспечивало нам неприкосновенность. Теперь Уэст забирал это одним росчерком пера.

Я протянула руку, взяла ручку. Пальцы слегка дрожали от утреннего холода, но я сжала пластиковый корпус сильнее, унимая тремор. Открыв первую страницу, я сделала вид, что вчитываюсь в пункты.

— Мой отец действительно сделал то, о чем вы говорили? — спросила я, не поднимая головы. Мой голос звучал глухо, как будто я уже смирилась со своей участью, — Пожар на заводе Уэстов это правда?

Над моей головой повисла тяжелая пауза. Я чувствовала, как его взгляд буквально прожигает макушку.

— Твой отец запер рабочих в цеху, чтобы получить страховые выплаты и обанкротить предприятие, — каждый слог Джейса падал как удар гильотины, — Мой отец пытался их спасти. А твоя мать в этот самый вечер примеряла изумрудный шелк для приема в ратуше. Тебе нужны еще какие-то подробности, Хант? Или ты хочешь посмотреть акты судебно-медицинской экспертизы?

Я замерла. Внутри всё заledenело. Если то, что он говорит правда. Если панорама моего счастливого детства была построена на обугленных костях.

Не думай об этом. Не сейчас, — приказал мне инстинкт выживания.

Каким бы ни был мой отец, человек, стоящий надо мной, прямо сейчас морит меня голодом и держит в каменном мешке. Он моя прямая угроза.

Я опустила ручку на бумагу и размашисто поставила первую подпись. Затем перевернула страницу. Вторую. Третью. Каждое движение было механическим. Я отдавала ему миллионы, которые мне никогда не принадлежали, в обмен на его иллюзию абсолютной победы.

Джейс внимательно следил за каждым движением руки. Когда я перевернула последний лист доверенности, я намеренно задела пальцем тяжелую металлическую скрепку, которая скрепляла черновики в конце папки. Она была острой, с зазубренным краем.

Я не подала виду. Моя ладонь накрыла скрепку, аккуратно утаскивая ее под широкий рукав безразмерной серой робы. Металл больно уколол запястье, но эта микроскопическая боль принесла мне дикое, почти эйфорическое облегчение.

Мое первое оружие. Маленькое, жалкое, но мое.

— Я всё подписала, господин Уэст, — я отложила ручку и снизу вверх посмотрела на него, удерживая на лице маску сломленной покорности.

Джейс наклонился, поднял папку и быстро проверил подписи. На его губах на секунду показалась едва заметная, жесткая усмешка. Он получил то, зачем пришел.

— Завтра юристы заверят эти документы, — сказал он, закрывая папку, — Твой рацион будет увеличен. Тебе принесут нормальную еду. Но окна останутся заколоченными. Ты останешься здесь до тех пор, пока я не решу, что с тобой делать дальше.

Он развернулся и направился к выходу.

— Джейс, — негромко позвала я, впервые назвав его по имени без крика и вызова.

Он замер у самой двери, но не обернулся. Его плечи напряглись под тканью пиджака.

— Вы думаете, что победили, — тихо произнесла я, поднимаясь с колен и пряча руку со скрепкой в складках рубы, — Но вы стали точно таким же, как мой отец. Вы заперли человека в клетке и празднуете триумф. Посмотрите в зеркало. Там больше нет мальчика, который хотел справедливости. Там стоит Уэст, который научился убивать чужие души.

Дверь захлопнулась с тяжелым, глухим стуком. Засов повернулся трижды.

Комната снова погрузилась во тьму, но в этой темноте я больше не была жертвой. Я медленно вытащила металлическую скрепку из рукава, нащупала пальцами ее острый конец и крепко сжала. Впереди была долгая ночь, и мне нужно было научиться превращать этот крошечный кусок железа в ключ от его ада.

Глава 8.

Джейс

Месть это не одномоментный акт. Это кропотливая, почти хирургическая работа, где каждый надрез должен быть сделан вовремя. Документы были подписаны, портовые активы перешли под контроль моих структур, но внутри меня не было покоя. Бумаги были лишь сухими цифрами, юридической формальностью. Мне нужно было нечто большее. Мне нужно было, чтобы она, последнее живое воплощение фамилии Хант, признала гниль, на которой стоял ее трон.

Слова Айрис, брошенные мне в спину перед тем, как дверь захлопнулась, зудели в подкорке, как неизлечимая инфекция.

Вы стали точно таким же, как мой отец.

Дерзкая, слепая девчонка. Она смела сравнивать меня, жертву, с палачом, который пустил по миру сотни семей и моего отца ради страховых чеков. Ее покорность на коленях была лишь фасадом, я видел это по ее застывшему взгляду. Она не раскаялась. Она просто затаилась.

В два часа ночи я спустился на второй этаж. В коридоре стояла мертвая, густая тишина, нарушаемая лишь редким скрипом половиц под ногами часовых. Я кивком приказал охране отойти от двери.

В руке у меня была папка из плотного черного пластика, оригиналы отчетов пожарной инспекции, протоколы допросов свидетелей, которые Хант замаял, и посмертные фотографии моего отца. Мой личный манифест. Моя абсолютная правда, против которой у нее не должно было остаться аргументов. Сегодня я выбью из нее это признание. Она назовет своего отца монстром. Она признает, что каждая нить ее прежней роскошной жизни была пропитана чужой кровью.

Я открыл засов и переступил порог.

В комнате царил удушливый, плотный полумрак. Айрис не спала. Она сидела на краю постели, сжавшись в комок, и в темноте ее глаза блеснули двумя дикими, настороженными огоньками. Серая роба делала ее фигуру почти невидимой, сливающейся с тенями углов.

Я не стал включать верхний свет. Я подошел к тяжелому дубовому стулу, стоявшему у стены, рывком переставил его в центр комнаты и включил направленную настольную лампу, направив жесткий, бьющий луч прямо на нее.

— Встань, — скомандовал я.

Она поднялась медленно. Ее босые ступни бесшумно коснулись пола. В ее движениях не было вчерашней покорности, скорее натянутая, как струна, готовность к удару.

— Садись сюда, — я указал на стул.

Когда она опустилась на жесткое деревянное сиденье, я зашел ей за спину. Из кармана пиджака я достал плотные кожаные ремни с фиксаторами, те самые, которые мои люди забрали из процедурного кабинета Гринвуда.

— Что вы делаете? — в ее голосе впервые за долгое время прорезался прежний, живой страх, смешанный с хрипотой от долгого молчания в темноте. Она попыталась дернуться вперед, но я жестко прижал ее плечи к спинке стула.

— Фиксирую реальность, Айрис, — холодно ответил я, затягивая ремень вокруг ее правого запястья, — Ты думала, что подписи на бумагах освобождают тебя от главного долга? Нет. Финансовая часть закрыта. Теперь начнется моральная.

Я действовал методично и быстро. Ее тонкие руки были намертво привязаны к подлокотникам, ремни впились в грубую мешковину робы, фиксируя запястья так, что она не могла пошевелить даже пальцами. Еще один ремень перехватил ее талию, накрепко привязывая к спинке стула. Она была полностью обездвижена, распята под слепящим лучом лампы. Ее частое, испуганное дыхание вздымало серую ткань на груди, а на лбу выступили мелкие капли пота.

Я обошел стул и встал прямо перед ней, бросив черную папку на прикроватный столик.

— Вы сумасшедший, — выдохнула она, отворачивая лицо от бьющего в глаза света, — Вы просто садист, которому нравится издеваться над беспомощными. Мой отец.

— Твой отец был убийцей, Айрис, — мой голос перекрыл ее жалкий лепет, заставив ее вздрогнуть. Я открыл папку и вытащил первый лист, пожелтевший от времени, — Слушай внимательно. Отчет пожарного департамента от двенадцатого ноября одиннадцатого года. Объект текстильная фабрика Уэст энд Сонс. Время возгорания двадцать три часа сорок минут. Очаг склад готовой продукции. Использован нафталин и бензол. Горючие материалы были завезены на склад за три часа до пожара грузовиками компании Хант Логистик.

Я сделал шаг ближе, так что тень от моей фигуры полностью закрыла ее от света, но это не принесло ей облегчения. Я навис над ней, как карающий рок.

— Двери аварийных выходов были заблокированы снаружи стальными цепями, — продолжал я, и каждое слово звенело от копившейся годами ярости, — Мой отец, Томас Уэст, находился в административном корпусе. Он побежал к складам, чтобы открыть ворота. Он успел вытащить двоих рабочих, прежде чем обрушилась кровля.

— Нет, — Айрис хрипло закричала, качая головой, — Это неправда. Мой отец не мог. Он строил больницы, он жертвовал миллионы. Это были ваши конкуренты, это был несчастный случай. Вы всё придумали, чтобы оправдать свою жестокость.

Она билась в ремнях, ее запястья покраснели, кожа на стыке с кожаными фиксаторами начала лопаться, но она словно не замечала боли. Ее лицо было искажено гримасой отрицания. Она цеплялась за свой придуманный, стерильный мир с упорством утопленника.

Ее крик, ее этот сумасшедший бред о стирании памяти и заговорах врачей окончательно вывели меня из себя. Меня захлестнула слепая, глухая ярость палача, который видит перед собой не человека, а абсолютное зло, отказывающееся признать свою вину. В моей голове не было места для сомнений. Я не слышал ее аргументов, я видел только пожелтевшие листы отчетов и обручальное кольцо отца.

Я рванул вперед. Моя правая рука, преодолевая тупую боль под медицинскими скобами, взметнулась вверх и мертвой хваткой вцепилась в ее челюсть.

Я сжал ее лицо пальцами так сильно, что послышался сухой, страшный хруст ее суставов. Мои ногти впились в ее бледную кожу, оставляя глубокие белые следы, которые тут же наливались багровой кровью. Я заставил ее замолчать, перекрывая ей доступ к воздуху, сжимая ее челюсть до тех пор, пока ее губы не превратились в узкую, окровавленную линию. Ее хрип оборвался на полуслове, превратившись в глухой, животный стон боли.

— Заткнись, — прорычал я ей прямо в лицо. Мои глаза были в сантиметрах от ее глаз, и в них не было ничего, кроме арктического, смертоносного льда, — Твой сумасшедший бред на меня не действует, Айрис. Мне плевать, что тебе кололи в Гринвуде. Мне плевать, что твой мозг пытается защитить тебя от правды. Ты Хант. Твоя фамилия синоним убийства. И ты будешь платить.

Я сильнее надавил на ее скулы, заставляя ее голову запрокинуться назад, до упора в деревянную спинку стула. Ее глаза, полные слез, боли и дикого, первобытного ужаса, устались

на меня. В них больше не было гордости. Только понимание того, что перед ней стоит человек, который глух к любым ее словам. Человек, который полностью подчинен своей правде и не остановится ни перед чем.

— Твой отец построил свое благополучие на чужих трупах, — выплевывал я каждое слово, чувствуя, как внутри меня ликует темная, страшная сила, — Твои университеты, твои бриллианты, всё это куплено на деньги, за которые люди платили своими жизнями. Признай это. Скажи это вслух. Скажи, что твой отец мразь.

Она не могла говорить. Мои пальцы держали ее челюсть в железных тисках, лишая возможности произнести даже звук. Из уголков ее глаз непрерывным потоком лились слезы, смывая дорожную пыль с ее бледных щек. Она мелко, судорожно дрожала всем телом, привязанная к стулу, как жертва на электрическом стуле.

Я смотрел на нее и не чувствовал ничего. Ни жалости, ни удовлетворения, ни вчерашней извращенной страсти. Моя слепая ярость превратила меня в монолит. В инструмент правосудия, который не знает пощады. Ее боль была лишь справедливой платой, малой частью того долга, который ее семья накопила перед моей.

Я резко разжал пальцы, отталкивая ее голову назад.

Айрис судорожно, со свистом вдохнула воздух, как только мои тиски ослабли. Ее голова бессильно упала на грудь, темные волосы закрыли лицо. Она зашлась в сухом, надрывном кашле, ее плечи бурно вздымались под серой мешковиной робы. На ее щеках и подбородке отчетливо проступали багровые кровоподтёки.

Я отступил на шаг, поправляя манжеты пиджака. Мое дыхание было ровным. Мой контроль вернулся ко мне, но это был контроль палача, который успешно завершил первую часть экзекуции.

— Подумай об этом до утра, Айрис, — холодно произнес я, собирая листы обратно в черную папку, — Завтра мы продолжим. И мы будем продолжать до тех пор, пока ты не подпишешь признание в каждом грехе своего отца.

Я подошел к выходу, выключил настольную лампу, и комната снова мгновенно погрузилась в непроницаемую, склизкую тьму.

Я вышел, заперев дверь на три оборота засова. Мои пальцы правой руки больше не горели от ее тепла. Они были холодными, как металл ремней, которыми я только что привязал ее к стулу. Я смыл свою вчерашнюю слабость. Теперь между нами осталась только чистая, дистиллированная месть.

Я стоял в пустом коридоре, глядя на грубое дерево запертой двери. Внутри было тихо, ни всхлипов, ни шорохов, только тяжелое, прерывистое дыхание человека, запертого наедине со своими разрушенными иллюзиями. Моя правая рука тупо пульсировала, медицинские скобы на предплечье словно въелись в мясо под натянувшейся кожей, но эта боль была правильной. Она была моим заземлением.

— Джейс, — негромкий голос Маркуса заставил меня перевести взгляд.

Мой помощник стоял чуть поодаль, в тени винтовой лестницы, держа в руках планшет. Его лицо оставалось беспристрастным, но я слишком хорошо знал его, чтобы не заметить тень напряжения в жесткой линии плеч.

— Звонили из порта. Юристы пытаются оспорить вчерашнюю доверенность через окружной суд. Утверждают, что подпись была получена под давлением.

Я издал короткий, холодный смешок, поправляя манжеты.

— Пусть пытаются. Документы заверены нотариусом, который знает цену своему молчанию. К утру все счета будут заморожены. Она отдала мне ключи от их империи собственными руками, Маркус. Осталось лишь заставить ее признать, что эта империя изначально стояла на костях.

— Ты собираешься держать её привязанной всю ночь? — Маркус бросил короткий взгляд на дверь камеры, — Ее физическое состояние.

— Ее физическое состояние меня не волнует, — оборвал я его, и мой голос прозвучал как удар стального лезвия, — Она крепка, как и ее покойный отец. Хватит с нее поблажек. Пусть эта темнота выжмет из нее остатки той смелости, с которой она смотрела на меня в столовой.

Маркус коротко кивнул и отступил в тень, возвращаясь к своим обязанностям. Я же направился в свой кабинет, но с каждым шагом по длинному, пустому коридору особняка мне казалось, что стены сжимаются, дублируя размеры той самой клетки, в которую я только что запер Айрис.

Я сел за стол, не включая свет. Единственным источником света были тусклые огни ночного города, пробивающиеся сквозь панорамное окно. Я открыл ящик, достал старую, пожелтевшую газетную вырезку пятнадцатилетней давности. Заголовок гласил.

Трагедия на фабрике Уэст, несчастный случай или халатность руководства?

Ни слова о Ханте. Ни слова о заблокированных дверях и канистрах с бензолом. Дэмиан Хант тогда купил всё прессу, превратив гибель моего отца в грязное пятно на репутации нашей семьи.

Я сжал бумагу в кулаке, превращая ее в бесформенный комок.

— Ты будешь платить, Айрис, — повторил я про себя, глядя на свое смутное отражение в стекле. — Каждой каплей своей гордости. Каждым криком.

Но где-то на самой периферии сознания, глубоко под броней моей абсолютной правоты, копошилась одна навязчивая, ядовитая мысль. Ее хриплый, сорванный крик. Ее искренний, первобытный ужас в глазах, когда она отрицала вину отца. Она не лгала. Ее мозг действительно не помнил. И то, что я делал сейчас, было не допросом виновного. Это была вивисекция живого, ослепленного существа, которое искренне верило в святость своего палача.

Я резко поднялся, чувствуя, как ярость на самого себя за эти мысли снова начинает затапливать горло. Мне плевать, что она помнит, а что нет. Ее кровь это кровь Ханта. И эта ночь в темноте на жестком стуле станет лишь началом ее персонального ада. Война не закончится, пока она сама не подпишет свой приговор.

Глава 9.

Айрис

Темнота больше не была пустой. Она обрела плотность, вес и шипы. Каждый дюйм моего тела стонал от тугих, ввевшихся в кожу кожаных ремней. Руки, намертво привязанные к подлокотникам стула, давно онемели, превратившись в чужие, холодные придатки, но на стыке запястий и фиксаторов горел живой огонь. Голова бессильно висела на груди, а челюсть, которую Джейс сжимал своими железными пальцами, пульсировала тупой, тошнотворной болью. При каждом сглатывании слюны в уши отдавал сухой хруст.

Я была распята. Обездвижена в самом центре его персонального ада.

В эти бесконечные ночные часы, когда звенящая тишина особняка прерывалась лишь глухими шагами часовых за дверью, ко мне пришло окончательное, ледяное прозрение. Джейс никогда меня не услышит. Ему не нужна была правда. Ему не нужны были факты, оправдания или результаты медицинских экспертиз из Гринвуда. Его ярость была абсолютно слепой, монолитной и древней, как те угли, в которые превратился завод его отца. Он выстроил внутри себя безупречный, глухой склеп из собственной праведности, и любая моя попытка воззвать к здравому смыслу разбивалась об эту стену, как волна о гранит. Для него я не была человеком. Я была ментальным громоотводом, контейнером для его скопившейся за пятнадцать лет желчи.

Когда ты понимаешь, что тебя пришли не допрашивать, а уничтожать, внутри умирает последняя крупица страха. Остается только голый, ободранный инстинкт твари, которую загнали в угол.

Около трех часов ночи комната вдруг начала сужаться.

Это произошло мгновенно. Воздух стал горячим, приторным, пахнущим хлоркой и жженой пластмассой. Стены темноты придвинулись вплотную к моему лицу, лишая возможности сделать полноценный вдох. Мое сердце, до этого стучавшее в ровном, пустом ритме, вдруг совершило бешеный кульбит и заколотилось о ребра с такой силой, что в глазах вспыхнули фиолетовые искры.

Гринвуд.

Это был не просто фантомный страх, это был психосоматический триггер, вызвавший жестокую, удушающую паническую атаку. Мой измученный, очищенный от препаратов мозг не выдержал фиксации на стуле. В ушах явственно зазвучал глухой, издевательский скрежет металлических колес каталки по кафельному полу больничного коридора. Массивные шаги санитаров. Шаг. Еще шаг. Они идут сюда. Они идут делать мне вечерний укол, после которого я три дня буду лежать овощем, пуская слюну на серую подушку и забывая собственное имя.

— Нет... нет, пожалуйста, — захрипела я, дергаясь в ремнях.

Кожа на запястьях лопнула сильнее, теплая, липкая кровь потекла по ладоням, но я не чувствовала этого. Меня накрыло безумие чистой, концентрированной паники. Я пыталась закричать, но из горла вырывался лишь сиплый, животный хрип. Я задыхалась. Липкий, холодный пот заливал глаза, роба из мешковины казалась раскаленной броней. Я билась всем телом, ломая спину о дубовые перекладины стула, пока в какой-то момент под моим весом правая ножка стула не издала сухой, трескучий звук.

Хруст.

Дерево, подточенное временем или слишком резким толчком, треснуло у самого основания. Этот звук вернул мне остатки сознания. Паника отступила, уступая место бешеному выбросу адреналина.

Я замерла, тяжело, со свистом дыша через рот. Осторожно повела корпусом вправо. Деревянная планка, скреплявшая нижнюю часть стула, надломилась. Я изогнулась всем телом, преодолевая дикую боль в зафиксированных плечах, и с силой ударила пяткой по треснувшему основанию. Еще раз. И еще.

С глухим стуком кусок сухого дуба отвалился и упал на пол. Из-за наклона стула и того, что мои руки были привязаны выше, я не могла достать его пальцами. Но я могла дотянуться пальцами босой ноги. Нащупав острый край дерева, я подтащила его ближе к себе, молясь только о том, чтобы часовые за дверью не услышали этот мышинный шорох.

Всю оставшуюся часть ночи я провела в одном положении, вытянувшись струной, преодолевая судороги в мышцах, я терла кожаный ремень на правом запястье о торчащий из подлокотника острый металлический болт, который обнажился. Миллиметр за миллиметром. Кожа ремня была старой, сухой. Моя собственная кровь действовала как смазка, размягчая материал.

Когда полоса серого, мертвого света из щелей заколоченного окна начала бледнеть, меняя наступление утра, ремень наконец поддался. С глухим щелчком фиксатор лопнул.

Моя правая рука была свободна. Она была синей, отекавшей, почти не слушалась, но как только я опустила ее вниз и пальцы коснулись заветного куска расколотого дуба, по венам разлилась чистая, жидкая агрессия. Я не стала освобождать остальные ремни. Это заняло бы слишком много времени, а Уэст мог войти в любую секунду. Я осталась сидеть на перекошенном стуле, спрятав правую руку с зажатым в ней деревянным клином под складками широкого рукава серой робы.

Я ждала его. Каждая капля моего прежнего страха, каждая слеза унижения, пролитая на этом полу, трансформировались в одну цель. Я вырву ему горло. Чего бы мне это ни стоило.

Засов открылся ровно в восемь.

Тяжелая дверь медленно поползла внутрь, впуская в комнату полосу яркого, утреннего света. На пороге появился Джейс. В его левой руке был стакан с водой, его обещанная милость после ночной пытки. Он шел один, уверенный в своей абсолютной, железобетонной власти над сломленной куклой. На его лице застыла всё та же маска брезгливого превосходства. Он даже не смотрел на мои руки, он смотрел на мою опущенную голову, ожидая увидеть труп моей воли.

Он сделал два шага к стулу, наклоняясь, чтобы поставить стакан на прикроватный столик. Его беззащитная, натянутая шея оказалась прямо на уровне моих глаз.

— Твое время выш, — начал он своим ледяным тоном.

Я не дала ему закончить.

С диким, сорванным хрипом, в который я вложила всю скопившуюся за эти дни ярость, я рванулась вперед. Левый ремень намертво удерживал мое левое плечо, но длины освобожденной правой руки и амплитуды наклона корпуса хватило, чтобы совершить этот безумный, яростный выпад. Стул с грохотом перевернулся, увлекая меня за собой, но в падении я успела нанести удар.

Острая, зазубренная дубовая щепка с силой полоснула его по шее.

Джейс успел инстинктивно отдернуть голову назад, и это спасло ему жизнь. Острый край дерева прошел по касательной, глубоко распоров кожу прямо под челюстью, в паре сантиметров от сонной артерии. Стакан с водой вылетел из его руки, с дребезгом разбившись о стену, а из его шеи мгновенно хлынула густая, темная кровь, заливая белоснежный воротник рубашки.

— Сука, — глухо рыкнул он, теряя равновесие.

Мы оба рухнули паркет. Тяжелый стул, к которому я все еще была привязана левой рукой и талией, придавил меня сверху, но адреналин полностью отключил болевые рецепторы. Я была безумна. Чистый, первобытный инстинкт хищника вел мои движения. Перевернувшись на бок вместе с обломками стула, я снова замахнулась окровавленным клином, целясь ему прямо в глаз.

Джейс среагировал со скоростью тренированного бойца. Превозмогая боль в раненом предплечье и заливающей шее крови, он перехватил мою правую руку у самого запястья. Его пальцы сошлись на моей кровоточащей ране от ремня, как гидравлический пресс.

— Отпусти, тварь, — прорычал он, наваливаясь на меня сверху всем своим весом.

Его тяжелое, жесткое тело буквально вдавило меня в паркет. Обломки дубового стула с треском лопнули под нашей общей массой, освобождая мою левую руку, и я тут же вцепилась ногтями в его лицо, пытаясь дотянуться до раны на его шее, разорвать ее шире, захлебнуться в его крови.

Между нами завязалась жестокая, грязная, первобытная драка на полу. Больше не было расчетливого миллионера и беззащитной наследницы. Были два зверя, сцепившиеся в смертельной схватке в полумраке заколоченной комнаты.

Я извивалась под ним, как змея, била его голыми коленями по ребрам, кусалась, царапалась, хрипела от ярости. Ткань моей серой робы порвалась на плече, обнажая кожу, его дорогой пиджак был испачкан в грязи, соусе от вчерашней каши и нашей общей крови. Джейс действовал жестко, без малейшей жалости. Используя свое колоссальное преимущество в весе и силе, он методично блокировал мои удары.

Он резко перехватил мою левую руку, рванул ее назад и одним мощным движением заломил обе мои руки за спину, разворачивая меня лицом к полу.

— Лежать, — рявкнул он мне в самое ухо.

Я попыталась ударить его затылком в лицо, но он среагировал мгновенно. Его ладонь тяжело опустилась на мою голову, с силой вжимая мою щеку в холодные доски паркета. Второе его колено намертво зафиксировало мои бедра, лишая возможности двигаться.

Драка была окончена. Он снова победил, снова подавил меня силой, но это была другая победа. Настоящая, грязная, стоившая ему крови.

Мы оба тяжело, со свистом дышали. Воздух в комнате, казалось, раскалился до предела. Моя грудная клетка бурно вздымалась, упираясь в жесткий пол, его сердце бешено колотилось прямо между моих лопаток. Джейс медленно, не ослабляя хватки на моих заломленных запястьях, перевернул меня на спину, снова садясь сверху и прижимая мои плечи к полу своими коленями.

Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего.

Белоснежная рубашка была полностью залита багровым, кровь из глубокого пореза на шее продолжала медленно капать прямо на мою серую робу, оставляя на мешковине тяжелые, темные круги. На его щеке красовалась глубокая, сочащаяся сукровицей царапина от моих ногтей. Его безупречная прическа была разрушена, темные пряди падали на лоб, скрывая глаза.

Но когда наши взгляды встретились, у меня перехватило дыхание.

В его глазах больше не было той арктической, мертвой стены, которой он защищался от меня вчера. Лед раскололся. Под ним бурлила дикая, первобытная, неразбавленная агрессия. Это был взгляд человека, который впервые увидел во мне равного. Врага. Того, кого он искренне, до дрожи в суставах, хотел придушить прямо здесь, на этом грязном полу. И в моих глазах он видел точно такое же отражение. Страх умер окончательно. На его месте горело ледяное, расчетливое желание увидеть его труп.

Между нашими лицами были крошечные сантиметры. Мы дышали одним рваным, горячим воздухом, смешанным с запахом железа и пота. Это было опасное, извращенное притяжение двух сил, которые могли существовать только уничтожая друг друга.

— Ты чуть не вскрыла мне вену, — хрипло, почти шепотом произнес он, и его челюсть ходила ходуном от сдерживаемой ярости. Его пальцы на моих запястьях сжались еще сильнее, до хруста костей.

— Жаль, что промахнулась, — выплюнула я ему прямо в губы, окрашенные его же собственной кровью. Я улыбнулась безумной, торжествующей улыбкой существа, которое смогло пробить его безупречную броню, — В следующий раз я буду точнее, Уэст. Беги за своими ремнями. Заколоти окна в три слоя. Но пока я дышу, я найду способ перерезать тебе горло.

Его глаза сузились, превратившись в две опасные, летящие щели. На мгновение мне показалось, что он действительно сорвется, что его пальцы перекочат на мою шею и он просто перекроет мне кислород до конца. Я видела, как пульсирует жила на его виске, как натягиваются мускулы на его руках. Он балансировал на грани животного убийства.

Но механизм внутри него снова, со скрипом и скрежетом, начал возвращать контроль. Он сделал глубокий, медленный вдох, заставляя себя отстраниться. Маска палача, испачканная кровью, медленно возвращалась на его лицо.

— Ты никуда не сбежишь, Айрис, — тихо, но с какой-то новой, зловещей уверенностью произнес он, — И следующую ночь ты проведешь не на стуле. Ты проведешь ее на цепи.

Он резко поднялся, схватив меня за руки вверх, и швырнул на постель. Я упала на жесткий матрас, тяжело дыша и не сводя с него глаз. Джейс достал из кармана платок, прижал его к кровоточащей шее и, не говоря больше ни слова, быстрыми шагами вышел из комнаты.

Дверь захлопнулась. Засов повернулся.

Я осталась лежать в темноте. Всё мое тело выло от боли, запястья были покрыты кровью, но внутри меня пел холодный, торжествующий хор. Я заставила его пустить кровь. Я сломала его систему. И теперь эта темнота больше не пугала меня, она стала моей союзницей, скрывающей мое новое, созревающее до абсолютной точности оружие.

Время до его возвращения исчислялось минутами. Шаги Джейса стихли в конце коридора, но я знала он вернется. Вернется со стальной цепью, с новыми замками, чтобы окончательно превратить эту комнату в склеп, а меня в ручного зверя.

Времени на панику не было. Мой измученный, ослепленный адреналином мозг лихорадочно искал выход, лазейку, способное сокрушить его возвращающийся контроль. Обычным оружием его не взять, он сильнее, опытнее, он просчитает любой новый выпад со щепкой или осколком. Но у меня оставалось другое оружие. То, от которого он так отчаянно пытался откеститься, запирая меня в темноте и натягивая маску бездушного палача. Его собственное, подавленное влечение. Тот дикий, первобытный азарт, который испугал его в столовой.

Если он хочет лишиться меня человеческого облика, если хочет видеть во мне лишь объект для вымещения злобы, я переверну эту игру. Я заставлю его захлебнуться собственным лицемерием.

Дрожащими, но быстрыми пальцами я ухватила за ворот порванной серой рубы. С резким треском грубая мешковина разошлась до самого подола. Я сбросила ее с плеч, избавляясь от тюремного клейма, и осталась стоять посреди темной комнаты полностью обнаженной. Прохладный воздух мгновенно коснулся кожи, покрытой ссадинами и каплями его засыхающей крови. Беззащитная, лишенная всякой брони, я чувствовала себя как никогда сильной.

Я опустилась на постель, как раз туда, куда падал единственный бледный луч света, пробивающийся сквозь щель в заколоченном окне. Этот луч рассекал темноту, очерчивая изгибы моего тела, бледность кожи и багровые следы от ремней на запястьях.

Мои пальцы, всё еще испачканные его кровью, коснулись собственного бедра. Медленно, намеренно ведя ладонь выше, я закрыла глаза и заставила себя дышать глубже, рвано, отдаваясь инстинкту выживания, который сейчас требовал абсолютного, извращенного самоотречения. Я начала ублажать себя прямо там, в полумраке, превращая свое тело в капкан. Каждое прикосновение отзывалось острой дрожью, каждый тихий, сорванный вздох ломал гнетущую тишину комнаты. Я не думала о стыде. Я думала о том, как этот безупречный, холодный механизм Уэста разлетится на куски, когда он откроет дверь. Я хотела, чтобы он сошел с ума от одного вида этой картины. Чтобы его арктический лед испарился, оставив лишь животный, неконтролируемый голод.

Тяжелый засов за дверью оглушительно открылся.

Я не остановилась. Наоборот я прогнулась в спине, закидывая голову назад, позволяя темным волосам рассыпаться по подушке. Мое дыхание стало частым, прерывистым.

Дверь распахнулась. Джейс вошел с тяжелой, звенящей цепью в левой руке. На его шее белела свежая повязка, а взгляд был устремлен вперед, готовый подавлять и подчинять.

Но то, что он увидел, заставило его застыть на пороге так, словно его ударил разряд тока.

Цепь в его руке с глухим, дребезжащим звуком выскользнула из пальцев и упала на паркет. Луч света из коридора выхватил его лицо, и на нем больше не было маски палача. Его челюсть судорожно сжалась, зрачки расширились, заполняя всю серую радужку, а дыхание, секунду назад ровное, мгновенно сперло в груди. Он смотрел на меня обнаженную, выгибающуюся на постели, покрытую следами нашей недавней драки, и я видела, как внутри его безупречной архитектуры возмездия рушится последняя стена.

Я не опустила взгляд. Мои пальцы продолжали скользить по влажной от пота и адреналина коже, а рваный, хриплый вздох сорвался с моих губ, разбивая мертвую тишину комнаты. Я бросала ему вызов каждым своим движением, каждой линией своего обнаженного тела, рассеченного серым лучом света.

Джейс стоял неподвижно, но это была не маска контроля, это был паралич хищника, который попал в собственный капкан. Пластырь на его шее слегка намок от просочившейся крови, жилка на виске билась так бешено, что это было видно даже в полумраке. В его глазах, где еще минуту назад царил арктический холод, вспыхнуло то самое извращенное, голодное пламя, которое он так яростно пытался выжечь из себя лоботомией и темнотой.

Его хваленая стена рухнула. Я видела это по тому, как тяжело, с глухим свистом опускалась его грудная клетка. Я видела это по его пальцам, которые судорожно сжались в кулаки, пряча дрожь.

— Хватит, — этот звук едва пробился сквозь его сжатые зубы. Голос Джейса больше не звенел металлом, он был сиплым, сорванным, полным опасного, звериного рыка.

Я лишь приоткрыла губы, издав тихий, издевательский стон, и лениво провела рукой по изгибу бедра, демонстрируя ему багровый кровоподтек, оставленный его же коленями во время драки. Я хотела, чтобы он видел каждую отметину. Чтобы он захлебнулся пониманием

того, что вся его месть, все его ремни, цепи и заколоченные окна прямо сейчас превращаются в ничто перед этим первобытным, грязным влечением.

— Ты думал, что запер меня, Уэст? — прошептала я, не останавливая руки. Мой голос, хриплый и чувственный, прорезал темноту, как лезвие, — Но в этой клетке сидишь ты. Твоя праведность это твоя цепь. Посмотри на меня. Ну же. Возьми свою цепь и привяжи меня. Если сможешь.

Джейс сделал шаг вперед. Медленный. Тяжелый. Стальная цепь у его ног звякнула, но он даже не посмотрел вниз. Его взгляд был намертво прикован к моим пальцам, к моей приподнятой груди, к моим глазам, в которых горело ледяное торжество победы. Вся его безупречная архитектура возмездия, которую он выстраивал десять лет, трещала по швам под тяжестью этого удушающего, похотливого азарта.

Он сократил расстояние между нами, и воздух между нами снова стал горячим, пахнущим кровью, железом и диким, животным желанием придушить и обладать одновременно. Война не закончилась, она просто сбросила последние лоскуты цивилизованных правил. И в этой новой, обнаженной войне я больше не собиралась отступать.

Глава 10.

Джейс

Визг ржавого железа о лакированный паркет всё еще вибрировал в моих пальцах, хотя тяжелая стальная цепь уже выскользнула из ладони. Она лежала у моих ног, уродливая, холодная, звенящая змея, бесполезный кусок металла, который я принес, чтобы окончательно зафиксировать свою победу. Но победы не было. Было сокрушительное, удушающее поражение, которое застало меня прямо на пороге.

Воздух в комнате казался настолько густым и горячим, что легкие отказывались его принимать. Серый, мертвенный луч утреннего света, пробивающийся сквозь заколоченное окно, больше не принадлежал мне. Он принадлежал ей. Он послушно очерчивал изгибы ее обнаженного тела, замирая на бледной коже, на острых ключицах, на тонкой линии живота, который прерывисто и часто вздымался от глубокого, влажного дыхания. Она сидела на перекошенной постели, полностью сбросив с себя серую робу, словно смывая с себя саму мысль о моем контроле.

И она ублажала себя. Намеренно, не сводя с меня диких, торжествующих глаз.

Каждое ее движение, каждый хриплый, издевательский стон, срывавшийся с ее искусанных губ, были тяжелыми ударами под дых всей моей десятилетней выдержке. Внутри меня, где-то на самом дне тщательно выстроенного склепа из ледяной праведности и планов возмездия, начался тектонический сдвиг. Кровь закипела, превращаясь в жидкий свинец, который с дикой скоростью устремился к вискам. Моя челюсть сжалась с такой силой, что зубы заскрипели, а пластырь на шее, едва сдерживавший глубокий порез от ее деревянной щепы, намок и начал жечь, когда свежая кровь снова поползла по воротнику рубашки.

Она делает это, чтобы выжить. Она делает это, чтобы уничтожить тебя, — закричал во мне остаток холодного, трезвого рассудка, но этот голос тонул в оглушительном реве первобытного, звериного голода.

Меня тянуло к ней с такой непреодолимой, физической силой, что подошвы туфель казались приросшими к полу, а пальцы судорожно сжимались в кулаки, пряча предательскую, постыдную дрожь. Мне хотелось сделать этот один единственный шаг. Навалиться на нее, вжаться в этот матрас, перехватить ее тонкие запястья с багровыми следами от ремней и заставить ее замолчать самым грязным, самым первобытным способом. Мой взгляд был прикован к ее ладони, скользящей по бедру, и это зрелище выжигало во мне последние остатки цивилизованного человека.

Это был капкан. Самый изощренный, самый смертоносный капкан, который только могла выстроить женщина, загнанная в угол.

Я вдруг понял, со всей отчетливостью и ужасом, что Айрис Хант перевернула доску. Ее нагота, ее стоны, ее вызывающе раскинутые по подушке темные волосы это не было актом капитуляции. Это не была покорность рабыни, которую я пытался из нее выбить ночным допросом. Это была ее контратака. Ледяная, расчетливая, хирургически точная контратака. Она нащупала мою самую постыдную, самую тщательно скрываемую слабость, то извращенное, темное влечение к ней, которое я так яростно отрицал перед самим собой с первой минуты ее появления в этом доме. Она вытащила эту гниль на свет и заставила меня смотреть на нее.

Если я сделаю этот шаг. Если я поддамся этому животному импульсу и коснусь ее, я проиграю эту войну навсегда.

Все мои юридические победы, все подписанные ею доверенности, все миллионы ее отца, которые теперь переходили под мой контроль, превратятся в ничто. Я стану не карающим роком, не инструментом справедливости для своей сожженной семьи. Я стану просто очередным ублюдком, который запер девчонку в подвале, чтобы удовлетворить свою похоть. Я стану точно таким же, как Дэмиан Хант, монстром, который берет то, что хочет, прикрываясь силой. Она заберет мою гордость, мою праведность, мою память об отце и растопчет их этими самыми испачканными в крови пальцами.

Она караулила мою реакцию. В ее глазах, сквозь пелену возбуждения и адреналина, я видел это ледяное, торжествующее ожидание. Она ждала моего падения. Она хотела увидеть, как сломается мой безупречный механизм, как я превращусь в скулящее от голода животное у ее ног.

Нет. Не со мной. Не сегодня.

Это ментальное усилие стоило мне огромных, почти физических страданий. Словно я собственными руками вырывал кусок живого мяса из груди, чтобы остановить распространение гангрены. Я заставил себя зафиксировать взгляд не на ее теле, а на ее лице, на этой безумной, победной улыбке, которая выдавала ее замысел. Эта улыбка отрезвила меня лучше, чем ледяной душ. Это был оскал врага.

Я не дам ей этого удовлетворения. Она не увидит моего падения.

Вместо того чтобы сделать шаг к постели, вместо того чтобы поднять стальную цепь или сорвать с себя испачканный кровью пиджак, я сделал резкое, судорожное движение назад. Мои туфли тяжело шаркнули по полу. Я развернулся на каблуках, чувствуя, как внутри всё бук-

важно разрывается от неудовлетворенного, бешеного напряжения, и быстрыми, широкими шагами бросился к выходу.

Я вылетел из комнаты, как из горящего ада. Моя рука перехватила тяжелую ручку двери, и я с такой силой рванул ее на себя, что дубовое полотно содрогнулось.

Дверь захлопнулась с оглушительным, пушечным звуком, который эхом разнесся по пустому коридору особняка. Я мгновенно повернул тяжелый засов. Раз, два, три. Металл заскрежетал, отсекая меня от нее, возвращая комнату в абсолютную, непроницаемую тьму, но этот скрежет больше не казался мне звуком моей власти. Это был звук тюрьмы, в которой мы теперь были заперты вдвоем.

Я прижался лбом к холодному дереву двери, тяжело и хрипло дыша через рот. Сердце колотилось в груди, как сумасшедший метроном, а пальцы, всё еще сжимавшие ручку засова, мелко и крупно дрожали. Намокший пластырь на шее окончательно отвалился, и я почувствовал, как струйка горячей, густой крови медленно потекла по ключице, пачкая воротник рубашки.

Она проиграла этот раунд физически, но ментально она нанесла мне удар, от которого моя броня пошла глубокими, неремонтируемыми трещинами.

Я оттолкнулся от двери и, шатаясь, словно пьяный, пошел прочь по коридору. Каждый шаг отдавался глухим стуком в висках. Мне нужно было уйти как можно дальше от этого замка, от этой двери, за которой осталась моя обнаженная, торжествующая уязвимость.

В холле у винтовой лестницы меня ждал Маркус. При виде моего залитого кровью воротника, разорванной повязки и дикого, блуждающего взгляда его безупречная маска на секунду дрогнула. Он сделал быстрый шаг навстречу, протягивая руку, словно собирался удержать меня от падения.

— Джейс, твою мать. Что там произошло? Вызывать врача?

— Нет, — рявкнул я так, что мой собственный голос показался мне чужим, сорванным, — Никаких врачей. Никого сюда не впускать.

Я прошел мимо него, игнорируя его протянутую руку, и ворвался в ванную комнату своего кабинета. Захлопнув дверь, я с корнем вырвал пуговицы на рубашке, сбрасывая испачканную ткань на пол. В зеркале над раковиной отразилось чудовище. Лицо бледное, глаза воспаленные, зрачки расширены до предела, а на шее зияет уродливый, глубокий разрез, из которого вяло сочилась темно-бордовая кровь. Отрезанный край дубовой щепы прошел слишком близко к жизни. Но страшнее была не рана. Страшнее было то, что прямо сейчас, глядя на свою кровь, я чувствовал фантомный, удушающий запах ее кожи.

Включив ледяную воду, я набрал полный стакан и с силой плеснул себе в лицо. Раз. Еще раз. Холод иглами впился в кожу, но внутренний пожар не утихал. Тогда я нажал на дозатор с мылом, яростно, до боли растирая пену по ладоням, по запястьям, по шее, смывая ее прикосновения, смывая саму память о том, как она извивалась под моим телом на полу. Я тер кожу до тех пор, пока она не покраснела, пока свежая кровь из пореза снова не залила мыльную пену.

Я оперся руками о края раковины, глядя на то, как розовые струи воды стекают в слив.

Она просчитала тебя, Джейс, — стучало в моей голове, — Она нашла твой личный триггер. Если ты продолжишь в том же духе, она уничтожит тебя твоими же руками.

Физическое насилие, темнота, голод, всё это больше не работало. Моя слепая ярость, которую я считал своей силой, оказалась моим главным изъяном. Я пытался сломать Айрис Хант как хрупкую игрушку, но под слоем светского глянца и холеной кожи обнаружился стальной, смертоносный стержень. Она приняла правила моей грязной игры и пошла ва-банк, бросив на кону свою наготу и свое достоинство ради одного, ради того, чтобы увидеть, как я захлебнусь собственной похотью и потерю рассудок.

Я вытер лицо жестким полотенцем, глубоко вздохнул и заставил свои плечи опуститься. Рассудок возвращался медленно, неохотно, укладывая бушующие эмоции обратно в ледяные ящики контроля.

Я перехитрю ее. Если она хочет воевать на ментальном поле хорошо. Я изменю тактику. Я заберу у нее ту единственную опору, которая дает ей силы совершать эти безумные, отчаянные выпады. Я заберу у нее ее праведную ненависть ко мне.

Я вышел из ванной, уже полностью овладев своим голосом и лицом. Маркус стоял у окна кабинета, лихорадочно просматривая что-то в планшете.

— Маркус, — позвал я. Мой голос снова звучал ровно, как линия кардиограммы.

Он обернулся, оценивая перемену во мне.

— Слушаю, Джейс.

— Распорядись. Пусть в ее комнату вернут свет. Снимите заколоченные доски с окон. Принесите ей нормальную еду, чистую воду и простую, человеческую одежду. Никаких ремней. Никаких цепей.

Маркус нахмурился, явно удивленный таким резким отказом от жесткого курса.

— Ты уверен? После того, что она только что сделала с твоей шеей?

— Более чем, — я подошел к столу и взял черную папку с оригиналами отчетов о пожаре, — Физическая клетка больше не имеет значения. Мы переходим к психологической осаде. Она черпает силу из своей изоляции, видя во мне монстра, а в себе невинную жертву. Я лишу ее этого контраста. Пусть сидит при полном свете. Пусть ест досыта. И пусть у нее будет очень много времени, чтобы читать.

Я швырнул папку Маркусу.

— Положи это на ее стол. И добавь туда все акты судебно-медицинской экспертизы погибших рабочих. Все фотографии обугленных тел. Каждый документ, доказывающий, что ее отец мразь. Я хочу, чтобы она изучала это каждый день. Я хочу, чтобы ее собственная гордость сожрала ее изнутри, когда она поймет, что вся ее жизнь была оплачена этим кошмаром.

Посмотрим, как долго она удержит свою безумную улыбку, когда свет покажет ей истинное лицо ее семьи.

Маркус поймал папку на лету, его пальцы крепко сжались на черном пластике. Он еще секунду всматривался в мое лицо, пытаюсь отыскать там признаки капитуляции, но, найдя лишь свежий слой арктического льда, удовлетворенно кивнул.

— Будет сделано, Джейс. Одежду подберут из гардероба гостевого крыла. Что-то закрытое и простое, без излишеств.

— И проследи, чтобы это сделала прислуга, — добавил я, подходя к зеркалу и накладывая на порез свежий, плотный пластырь. Прижав марлю к ране, я поморщился от резкой, пульсирующей боли, — Охрана на этаже остается, но они не должны входить внутрь без моего прямого приказа. Пусть думает, что стена между нами рухнула по моей воле, а не из-за ее фокусов.

Когда Маркус вышел, я остался в кабинете один. Внутри всё еще вибрировало остаточное эхо того дикого, первобытного шторма, который едва не пустил под откос мою жизнь. Кожа на руках остывала, но фантомное тепло ее обнаженного тела, казалось, выжгло на моей сетчатке несмываемый отпечаток.

Она думала, что нашла лазейку. Она думала, что если превратит себя в искушение, я стану уязвимым. Но истинное безумие Айрис заключалось в том, что она недооценила масштаб моей ненависти. Ненависть к ее отцу была моим скелетом, моей нервной системой. И никакая похоть, никакой животный азарт не могли переломить хребет моей жажде справедливости.

Я подошел к окну. За стеклом серые утренние тучи медленно расходились, пропуская бледные, холодные лучи июльского солнца. Природа возвращалась в свои берега, и я возвращался в свои.

Спустя два часа я снова стоял перед ее дверью. На мне была свежая рубашка, черная, застегнутая до самого подбородка, чтобы скрыть повязку. Руки я заложил за спину, возвращая себе позу абсолютного, бесстрастного судьи.

Я трижды повернул засов. На этот раз металл не скрежетал так удушающе, комната внутри уже была залита светом. Маркус выполнил приказ, деревянные щиты с окон были сняты, и дневной свет безжалостно обнажал каждый угол ее камеры.

Я переступил порог.

В комнате пахло свежестью, мылом и лекарственной мазью. Айрис сидела за небольшим письменным столом у окна. На ней больше не было ни больничной рубашки, ни серой робы из мешковины. На ней было простое, закрытое платье из плотного темно-синего хлопка, которое полностью скрывало ее фигуру, оставляя открытыми лишь бледную шею и израненные запястья, теперь аккуратно перебинтованные. Ее волосы были влажными после душа и гладко зачесаны назад.

Она выглядела чистой, сытой и обезоруженной. Свет, которого она так яростно требовала, теперь играл против нее, выставляя напоказ синяки на ее лице и дрожь в пальцах, которую она тщетно пыталась скрыть, сжимая края стола.

Прямо перед ней лежала та самая черная пластиковая папка с отчетами о гибели моих родителей и посмертными снимками рабочих фабрики.

Когда я вошел, она не вскочила. Она медленно повернула голову, и ее глаза, огромные, потемневшие от внутренней бури, встретились с моими. В них больше не было той безумной, торжествующей улыбки. На ее лице застыло выражение глухого, болезненного осознания. Она уже открывала папку. Она уже видела первые страницы.

— Ты хотела света, Айрис? — тихо спросил я, останавливаясь в центре комнаты, залитой солнечными лучами, — Получай. Смотри на всё это при полном освещении.

Я сделал шаг к столу, и она инстинктивно вжалась в спинку стула, но ее взгляд остался прикован к пожелтевшим листам документов.

— Здесь нет ремней, которые держали бы тебя. Нет темноты, в которой можно спрятать свой страх за вызывающими столами, — мой голос звучал мягко, но в этой мягкости было больше яда, чем в ночном допросе, — Теперь ты вольна делать всё, что захочешь. Можешь есть досыта, можешь спать на мягком белье. Но каждый раз, когда ты будешь закрывать глаза, ты будешь видеть эти фотографии. Ты будешь читать показания свидетелей, которые твой отец заставил замолчать.

Айрис судорожно сглотнула. Ее бледные пальцы коснулись края одного из снимков, на котором было запечатлено обгоревшее здание склада, но тут же отдернулись, словно бумага была раскалена.

— Зачем вы мне это показываете? — ее голос прозвучал едва слышно, лишенный прежней агрессии. Это был голос человека, у которого только что выбили из-под ног последнюю твердую почву.

— Чтобы ты поняла, — я наклонился вперед, опираясь здоровой рукой на край стола, но не приближаясь к ней слишком близко, удерживая безопасную, ледяную дистанцию, — Твоя ненависть ко мне это фальшивка. Она держится на лжи, которую тебе внушали с детства. Ты пыталась воевать со мной своим телом, пыталась свести меня с ума, чтобы спасти свою гордость. Но твоя гордость — это пепел тех людей, которые сгорели по вине Дэмиана Ханта. Читай, Айрис. Изучай наследие своего отца. И когда ты дойдешь до последней страницы мы поговорим о том, кто из нас настоящий монстр.

Я выпрямился, развернулся и пошел к выходу. Мои шаги больше не были рваными. Я вернул себе контроль. Я вернул себе право быть ее палачом, не физическим, а ментальным.

У самой двери я остановился и, не оборачиваясь, бросил.

— Дверь останется незапертой на засов. Охрана просто стоит в коридоре. Ты можешь ходить по комнате. Но уйти от этой правды ты не сможешь. Приятного чтения, мисс Хант.

Я вышел, закрыв дверь на обычный замок. В коридоре было тихо и светло. Война продолжалась, но теперь я точно знал, самый страшный удар я нанес ей не стальной цепью, а тем светом, который она так отчаянно пыталась призвать на помощь.

Глава 11.

Джейс

Я стоял у панорамного окна в холле первого этажа, сжимая в руке остывшую чашку черного кофе. На часах было едва за полдень, когда тишину особняка разорвал этот глухой, издевательский трезвон. Через секунду на пороге кабинета материализовался Маркус. Его лицо было бледнее обычного, а в глазах горел сигнал максимальной тревоги.

— Джейс. У нас гости. На въезде.

Я нахмурился, чувствуя, как внутри снова начинает закручиваться тугая, холодная спираль напряжения.

— Юристы? Полиция?

— Хуже, — Маркус сглотнул, — Лиам и Беатрис. Они уже проехали главные ворота. Кажется, их машина паркуется у крыльца.

Чашка в моей руке едва заметно звякнула о блюдце. Лиам и Беатрис. Мои давние, проверенные годами друзья и единственные партнеры по легальному инвестиционному крылу моего бизнеса. Люди, которые знали меня до того, как месть стала моей второй кожей. Они приехали без предупреждения, и я мгновенно вспомнил. Вчера мы официально закрыли сделку по поглощению портовых терминалов на юге. Сделку, к которой шли почти два года.

Снаружи раздался залиvistый, беззаботный смех Беатрис и громкий хлопок автомобильной двери. Они приехали праздновать. На все выходные. Ослепленный своей личной войной с Айрис, я совершенно вычеркнул этот триумф из своего календаря.

— Отправь их назад, — процедил я, чувствуя, как под чистой черной рубашкой начинает чесаться свежий пластырь на шее, — Придумай что угодно. Скажи, что я улетел в Европу. Что у меня ковид. Что дом закрыт на дезинсекцию.

— Джейс, не глупи, — Маркус сделал шаг ближе, понизив голос до шепота, — Лиам лично вел переговоры последние трое суток. Он знает, что твой самолет в ангаре. Если ты выставишь их сейчас, на пороге, без единой внятной причины это вызовет столько подозрений, что они перероют весь этот чертов округ. Лиам не дурак. Он почувствует, что ты во что-то вляпался.

Входная дверь распахнулась до того, как я успел принять решение. В холл, звеня ключами и пакетами из дорогого гастронома, ввалился Лиам как всегда шумный, в расстегнутом бежевом блейзере, с неизменной белозубой улыбкой. Следом за ним шла Беатрис, изящная, в солнцезащитных очках на пол-лица, с огромной бутылкой коллекционного шампанского под мышкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.